КОНТР КУЛЬТУРА

контркультура

#0,33

2012/2013

действующая модель журнала в одну треть натуральной величины

подписано к печати 25 декабря 2012 года

тираж: 200 экземпляров или меньше

контакт: **kontrkultura68@gmail.com**

редактор номера: **Влад Тупикин**
вёрстка: **товарищ кошка**

спасибо: Вере Бредовой, Витни, Дансури, Лене Дудукиной, Александру Малиновскому, Ирине Сисейкиной, Тальке, онлайн-библиотеке Йельского университета

В номере использованы французские революционные плакаты мая 1968 года. Не берёмся утверждать, что во всех случаях поняли игру слов там, где она есть, но большинство плакатов работают и так. Изображения взяты из коллекции на сайте Йельского университета, спасибо!

LA POLICE S'AFFICHE
AUX BEAUX ARTS

LES BEAUX ARTS
AFFICHENT dans la RUE

париж, май 1968.
полиция выставлена в школе искусств,
студенты школы искусств выставляются на улице

Контркультура приходит

Года четыре назад, готовясь к изданию очередного самиздатского журнала о контркультуре, я решил начать с опроса широкого круга заинтересованных товарищей — мужчин, женщин, трансгендеров и неопределившихся. То есть тех людей, кто чего-то, на мой взгляд, стоил как носитель смыслов и понятий, тех, кто доказал какое-то личное/коллективное качество в культурном производстве — художников, музыкантов, критиков и политических активистов (про них, последних, и года четыре, и года полтора назад вполне можно было сказать, что они скорее занимаются каким-то сложносочинённым искусством, нежели политикой). Единственный вопрос, который меня тогда для начала интересовал: «Что такое контркультура сегодня?».

Надо ли говорить, что журнал тогда так и не вышел — начав с неправильного места — того, что неопределимо в условиях несуществования, я задал людям вопрос, на который у них либо не было ответа, либо им не хотелось на него отвечать (например, потому, что благодаря безусловному качеству их собственной «творческой продукции», они могли претендовать на определённо высокую полочку в рамках так называемой «большой культуры», или потому, что они упорно, несмотря ни на что, считали, что занимаются именно политикой — а не «всей этой дребеденью»). В ответ я получил не только молчание, но и добился несерьёзного отношения к моему проекту — и потому, что мой вопрос слишком невротизировал наиболее впечатлительных из них, и потому, что многим из них скорее хотелось просто предъявить результаты, нежели рассуждать о чём-то малопонятном и слишком концептуальном.

Не успев о несделанном серьёзно погоревать, я получил приглашение на съезд самиздатчиков в Минск, быстро собрал свои собственные «результаты» — несколько коротких статеек и эссе на тогдашнюю (лета 2008-го) злобу дня, как я её понимал, и поехал с ними в столицу Белоруссии. Минск был тогда одним из главных городов новейшего DIY-самиздата на постсоветском пространстве — и оставался им до начала тотальных репрессий, связанных с президентскими выборами 19 декабря 2010 года. Уже там, на вписке, вместе с хорошей минской подругой, вместо того чтобы бухать или гулять на районе, мы сели к двум мониторам и до утра сверстали, вычитали и напечатали небольшой журнал. И раздали его тем же вечером в библиотеке, после доклада, который меня попросили сделать.

С тех пор такими глобальными вопросами как определение контркультуры и её роли в нашей жизни я не занимался, а занимался локальными вопросами — скажем, делал какую-то самиздатскую газетку к всероссийскому сборищу анархистов и анархисток, либо пытался заразить идеей зиноделия знакомых подростков (и то, и другое — не очень удачно), в конце концов, участвовал в вытаскивании из тюрьмы знакомых активистов — в составе Кампании за освобождение химкинских заложников (и это как раз осенью 2010 года вполне удалось).

И когда всех нас накрыл декабрь 2011-го, я, конечно, обнаружил себя на Чистых Прудах, на Болотной и на Сахарова — почти во всё той же привычной мне компании художников, музыкантов, критиков и политических активистов, которых я неудачно вопрошал про контркультуру несколькими годами ранее. Теперь у меня к ним — и к себе самому — были совершенно другие вопросы: «Чего ты больше всего боишься по ходу движения?» — «Не западло ли участвовать в одних митингах с националистами?» — «Как сделать так, чтобы протесты не заглохли после 4 марта?» — все эти вопросы я им (и себе) и начал задавать, причём не просто так, а для публикации в маленькой самиздатской газете «Воля». Задуманная в декабре 2011-го, уже с середины января 2012-го она распростра-

нялась на всех крупных акциях в Москве, начиная с традиционной антифашистской демонстрации 19 января, а также 4 февраля и 26 февраля, 5 и 10 марта, 1 и 6 мая и т.д.

Отличная художница Виктория Ломаско рисовала для «Воли» репортажи с политических акций, дизайн делали тоже неслабые люди (один из них — художник Николай Олейников), поэты Кирилл Медведев и Роман Ос(ь)минкин писали актуальные политические комментарии, в проекте были задействованы также музыканты, журналисты, переводчики, социологи и даже историки — главное, чтобы далеко не удалялись от пышущей жаром современности.

Ни разу за все полгода с лишним никому из нас не приходило в голову опубликовать в «Воле» стихи или поместить рецензию на кино, проанонсировать выход музыкального альбома или альбома фотографий. И не потому, что всё это выпало из сферы нашего внимания, а потому, что голая политика участия, ежедневный активизм казались куда более важной составляющей. При дефиците средств (а значит, при дефиците краски, бумаги и, в конечном итоге, объёма и тиража нашей маленькой газеты) именно они заполняли собой всё — и в жизни, и на газетных страницах.

Совершенно не думая ни о какой такой контркультуре, во второй половине июня я привычно кинул в рюкзак пачку свежего номера и поехал на очередной вернисаж в «Артплэй» — Таня Волкова отмечала открытие выставки «Тишина — это смерть» концертом групп, неравнодушных к этой самой политике участия. В общем, только это и оправдывало в моих глазах временное отвлечение от участия в ассамблеях, чтения лекций и их подготовки для #ОккупайАбай или как его теперь лучше называть... На вернисаже я ожидал увидеть всё тех же — художников, музыкантов, критиков, давно бывших или недавно ставших политическими активистами, а также политических активистов, издавна не чуждых каким-то художественным практикам, либо причастившихся к ним на массовых митингах зимы и весны, словом — я ожидал увидеть читателей и авторов своей маленькой альтернативной политической газеты, фактически самиздата тиражом в несколько сотен или, когда совсем нет денег, в несколько десятков копий.

На первом этаже в пространстве, организованном усилиями Тани Волковой, действительно играли группы, на стены проецировалось видео — то ли активистское, то ли художественное, так сразу и не поймёшь, а на втором этаже размещался «архив» — там можно было послушать через наушники и посмотреть на мониторах старые записи Цоя и Летова, а также полюбоваться на перестроечный бумажный рок-самиздат под стеклом витрины. Один из журналов двадцатилетней давности, так много когда-то значивший для меня и, вместе с тем, как раз тот, про который я, признаться, ни разу и не вспоминал в последние полгода, дожидался меня среди всех этих «Ур Лайтов», «Ура-бум-бумов» и почему-то «Сдвигов» (в тесте на логику из серии «вычеркни лишнее» вычеркнуть нужно, разумеется, полуофициальный «Сдвиг»).

Журнал этот назывался попросту: «Контр Культ УР'а».

Секунду ещё я похлопал глазами, посмотрел на витрину, а потом глянул вниз. Там была толпа моих знакомых и незнакомых художников-музыкантов-активистов (незнакомых стало больше, вообще, людей серьёзно прибавилось)... И тут я понял внезапно, что определение того нового качества — и того нового, складывающегося сообщества, которое я замечаю в общественно-культурной среде (на митингах, на вернисажах, на дискуссиях у Абая, на концертах и т.п.) как минимум с ранней весны, — конечно же, именно таково.

Контркультура разлита в воздухе, она — в наших акциях, наших работах, наших словах и делах, в самом нашем способе жить и предъявлять себя друг другу и миру.

И именно поэтому теперь тоже совершенно не надо спрашивать, что такое контркультура сегодня. Это и так все уже знают. А кто не

знает, тот воткнётся не сегодня, так завтра, и сам, сама, само станет её действенной живой частью.

И, чёрт побери, не отвечать на такой вопрос значительно приятнее и полезнее из-за того, что ответ всем известен, а не по той причине, что никому не понятно, о чём же мы говорим.

Влад Тупикин
30 июня 2012 года, Москва
первая публикация: 5 июля 2012 года, Siburbia.ru

une jeunesse que l'avenir inquiète trop souvent

Любовь моя анархия

В школе у меня были проблемы. Как с учителями, так и с одноклассниками. Честно говоря, вообще эта средняя школа № 631 вспоминается как один непрекращающийся, сплошной кошмар. Одноклассники в лучшем случае изобретали деривации от фамилии (кстати, я до сих пор Сисейкина), в худшем случае – били, а учителя (даже учителя!) называли меня странной. На самом деле – это я сейчас понимаю – странностей было не так много, просто я была начитанная, умная и добрая девочка, писала стихи и рассказы и считала, что все остальные люди должны быть такими же бесхитростными, умными и добрыми, как я. Мне хотелось иметь друзей – ребёнок не может жить без друзей. В средней школе № 631 выбор был невелик, отличницам я была неинтересна, двоечники были слишком глупы, и всё же я пыталась с ними со всеми подружиться. Я делилась дефицитными конфетами – одноклассники обижались, что мало, я давала им пользоваться своими вещами – вещи нарочно ломали или выбрасывали, я прощала им издевательства – они продолжали издеваться. И в тот момент мне казалось, что так будет всегда. Что я действительно очень странная и потому никогда не найду тех, кто бы меня понимал. Что я изначально была сделана как-то не так и потому не могу вписаться в их общество. Как не могу теперь вписаться во взрослое общество всех этих эффективных, корпоративных и успешных. Но, честное слово, я пыталась.

К седьмому классу назрел открытый конфликт. Противостоять обществу в одиночку всегда труднее, но человек – живучая и изобретательная скотина. В качестве инструмента сопротивления был выбран эпатаж. Я научилась курить. Я научилась отборно материться – проведите пару летних месяцев в глухой деревне в Калужской области, вы тоже научитесь. Я выбелила волосы и стала ярко краситься. В конце концов, я начала драться – преимущественно с мальчиками, которым не давала покоя моя фамилия. Учителя открыто и неистово меня ненавидели – повторюсь, я была начитанная и умная девочка и прилюдно поправляла ошибки за преподавателями русского языка и литературы. Я этих горе-учителей, конечно, тоже терпеть не могла, но моя неприязнь была осознанной. У меня в машине лежит распечатанная табличка «Хуй тебя несет, не сам ты едешь», и я показываю её периодически тому, чьё поведение за рулём вызывает во мне недоумение. Хуй их нёс, этих учителей, не сами они пришли в эту школу калечить юные души. Это нечто неведомое гнало их в пединститут за высшим образованием при полной нелюбви к детям, а потом они должны были проводить эти отвратительные часы с нами. Что это за такая система, которая делает взрослых – неудовлетворёнными и несчастными, а детей – завистливыми и злыми? – думала я. Можно ли жить по-другому, без этих ежедневных стычек, вспышек ярости, драк и дележа? Я была уверена, что можно, но примеров тому я не видела. К моменту ухода из школы – после девятого - я сознательно возненавидела всё существующее мироздание.

А потом появилось левое движение. Я явилась на какую-то акцию протеста против обязательной службы в армии, и там были совершенно другие люди - недружелюбно и свирепо выглядевшие панки, мрачные бородатые активисты, и даже чистенькие интеллигентные мальчики и девочки там тоже были – кстати, их было большинство – таких же, как и я, пытавшихся сбежать, вырваться из круга обречённых. И вот тогда, стоя среди них, я наконец поняла: да, можно жить не так, как большинство этих зомби, можно жить по-другому - без подлости, злобы и страха, и сам мир может не быть таким враждебным.

Потом у нас с анархистами было много восхитительных дней. Мы вечно были заняты чем-то очень увлекательным – выпускали газеты и листовки, писали стихи, песни и даже играли концерты, ставили спектакли, собирались у кого-то дома, чтобы самостоятельно изучать историю и литературу, регулярно выражали

открытый протест против существующей власти, праздновали 1 мая и 7 ноября – день рождения Махно, колесили по чужим городам, и нас встречали такие же бесхитростные и сумасшедшие люди, как мы, и эти люди нам неизменно были рады. Те люди и стали моей семьёй, они не считали меня странной, им плевать было на мою фамилию, а мои стихи и рассказы не вызывали у них издевательской усмешки.
Левое движение – то наиболее прогрессивно мыслящее меньшинство, горстка лидеров, за которыми никто не идёт, потому что, как правило, инертное общество к их идеям ещё не готово. Это герои, способные мыслить системно и способные выходить за рамки системы, видеть происходящее извне. Левое движение – это еретики, которых на протяжении веков распинали, сжигали на кострах и вешали, чтобы через сто, двести, триста лет посмертно признать их правоту. Левое движение – это пассионарии, которые идут в неизвестность первыми и гибнут, соответственно, тоже первыми. Это наиболее образованные и наиболее свободные люди, с которыми мне посчастливилось встретиться, когда мне было 15 лет, и это была самая лучшая школа моей жизни.
И с ними было тепло. Потом меня много кидало от сообщества к сообществу – русские общины в эмиграции, тренинги личностного роста, альтернативные музыкальные группы, команда, работающая над самой смешной и самой наглой музыкальной ТВ-программой, сообщество переводчиков и узкий круг парашютистов, но так тепло, как там, в девяностом – девяносто первом – втором – третьем году, среди тех леваков, мне не было нигде и никогда. Левое движение было крошечным социумом сознательных и свободных людей, среди которых можно было жить без страха. Не боясь, что тебя ограбят, изобьют, изнасилуют – или просто обзовут, толкнут, заткнут, отомстят за то, что ты есть. Похожие ощущения были разве что в МГУ – но многие из леваков учились или преподавали в МГУ, университет и был, и остаётся прибежищем прогрессивно мыслящих, так что сравнение некорректно.
Они научили меня быть неравнодушной. Они научили меня не бояться той правды, которая «выше кремлёвских стен, ярче кремлёвских звезд» (С) А. Семёнов. И фактически, в какой-то момент исчезнув, я всё же никуда не уходила из движения. Я продолжаю оставаться убеждённым анархистом и – только не смейтесь – я продолжаю верить в то, что анархия как структура общества возможна или когда-нибудь будет возможна – при определённом уровне сознательности граждан.
Я так же, как и тогда, не бросаю мусор на улице и убираю за собой в местах общественного питания. Я так же, как и тогда, заставляю себя не закрывать глаза, сталкиваясь с мелкой или крупной несправедливостью, потому что пройти мимо, зажмурить глаза, заткнуть уши – это именно то, чего хочет от тебя власть. Ведь самое лёгкое – сделать вид, что это не твоё дело. Самое лёгкое – убедить окружающих в том, что в данной ситуации ты бессилен. Труднее заставить себя писать, звонить, кричать, куда-то идти, что-то делать, даже отдавая при этом себе отчёт, что шансы равны нулю, даже если ты логически можешь доказать, что в данной ситуации ты бессилен, но всё же – опять же, только не смейтесь – есть такое виртуально понятие, как совесть, и вот эта совесть не позволяет отступить в сторону и сказать «Извините, но это не моё дело». И, опять же, я много раз видела, как происходило чудо, - я видела, как совершенно незаинтересованные люди отдавали свою кровь, свои деньги, своё здоровье и своё время другим, совершенно незнакомым им людям – на станциях переливания крови, в благотворительных организациях, на спасательных работах, да на той же трассе М10 – просто потому, что считали, что чужая беда – это их дело. Их личное дело.
Поэтому, видите ли, чтобы быть вот этим сознательным членом того идеального общества, можно и не быть анархистом. Достаточно оставаться порядочным и неравнодушным человеком и мыслить немножко шире, чем среднестатистический обыватель, который копает под себя и живёт только для себя.
Так что, ребята, я никуда не исчезла. Я всегда буду с вами. Я всегда буду против.

Ирина Сисейкина
декабрь 2012

RETOUR
A LA NORMALE...

возвращение к норме

Случай

Накатила и схлынула кислотно-зелёная, клейкая, яркая, буйная эйфория мая.
Схлынула, всё вдруг полиняло и покрылось тёплой пылью. В Москве началось лето.
Мы вышли из дома около пяти, жара, вопреки ожиданиям, не спала, сгустилась и утомилась только, — втроём идём, скажем так, в гости, и если б мы жили где-нибудь в Латинской Америке, окружённые иными декорациями, – а так я назову вас просто Маша и Митя, друзья мои. Идут, взявшись за руки. Ну, и я. Не так давно мы расстались с Тобой, и с тех пор я задаю нечётность.
По пути к метро всё достаточно правдоподобно: квартал хрущёвок, густо поросших шумящей листвой, пушинки, неровно подрагивая, висят в воздухе, нехотя касаются асфальта, собираются невесомыми сугробами вдоль бордюров, подожги — запляшет пламени дорожка. Вечная музыка из раскрытого окна второго этажа, густой запах жареного, вкусного, — в соседнем доме достают к ужину посуду, кухонные звуки скачут во дворе. Детские визги, всплески, их со свинговой задержкой отражения отражения; женщина в заношенном солнечном ситце, согретом уютными складками, зовёт с балкона вниз: “Серёжа!” и сама себя слушает.   В метро повезло: все втроём садимся. Митя расшнуровывает рюкзак и раздаёт нам по книжке. Вагон угрожающе раскачивается в чёрном злом тоннеле, но путешествие заканчивается благополучно: выходим из-под земли на другом конце города, на окраине, развороченные бульдозерами бескрайние просторы. У метро надо купить водки, некоторое время бродим вокруг ларьков, покупаем и запихиваем в Митин рюкзак. Вдалеке, растушёванные блёклой голубизной, высотки в чистом поле, — это общежитие, к нему мы и вышагиваем вдоль шоссе, знакомое оживление, уже слегка навеселе от предстоящей пьянки.   Мой смех довольно истеричен, знаю, — окраина и оживлённая магистраль, совсем недавно, мы долго шли по разделительной полосе, мы шли с Тобой по такому же шоссе, вечером, начинается тяжёлая раскачка между двумя шоссе, и, чтобы как-то загасить её, нужно поскорее напиться.
Когда мы заваливаемся в комнату, Женя со своим бэндом — Андрей, Егор, — тихо допивает первую бутылку водки.
— О, опять втроём, — усмехается Егор. — У вас что, шведская семья?
— Уважаемая Женя, мы принесли тебе подарок, — произносит Митя заветную фразу, игнорируя фразу Егора, и достаёт, разумеется, комплект струн. Поздравляем Женю с защитой диплома, а она, как всегда, сдержанно, с достоинством улыбается и ничему не удивляется. Она не удивляется даже тому, что сюда припёрлась я, хотя меня никто не звал, и вообще ожидались лишь самые близкие друзья, а мы с Женей едва знакомы, я просто упала Маше и Мите на хвост, откровенно говоря.
Подарок отчасти искупает наше здесь появление, и мы садимся за стол в окружении крашеных стен, увешанных всегдашними персонажами — цеппелины, Моррисон. Три кровати застелены штампованными одеялами. Достаём свои бутылки и пристраиваем их между тарелками, стаканами и большими кастрюлями с накрошенной в них разноцветной стереометрией салата: зелёные горошинки, картофельные и свекольные кубики, морковные призмочки, на всё это выдавливается из пакетика майонез и с аппетитным чавканьем перемешивается, калейдоскоп.
Андрей разливает водку, и мы начинаем пить за Женю, потому что она прекрасна. Женя молча включает King Crimson.
Постепенно народу становится всё больше: возвращается неизвестно откуда соседка по комнате Таня, заходит Вадим, тоже местный, — сильные очки, слабое всё остальное, жидкие светлые волосы собраны в хвостик, — ещё какие-то люди, мне совершенно неизвестные, похожие друг на друга и на Вадима. За столом становится тесно, децибелы и амплитуды движений нарастают. Стаканов и чашек на всех не хватает, на столе появляются стеклянные банки. Мы с Машей с размаху чокаемся. Выпиваем. Закусываем.

Становится громко и весело.
— Так вот, — говорит Митя, размыты тормоза, разрушена плотина, шустрый в утреннем свете поток мчит наперегонки сам с собой. — Коммуникативный транс является результатом неожиданного взаимодействия нескольких составляющих, по большей части нам неизвестных. Не путать с трансцендентальными коммуникациями, понятием тоже очень важным, но к делу не имеющим не малейшего отношения.
— Митя, хватит пиздить, — со свойственной ей лаконичностью высказывается Маша.

— Состоянием, симметричным коммуникативному трансу, но только в минусе, является абсолютная обесточенность, или жопа, попросту говоря. Ведь недаром идиоматическое выражение “быть в жопе” имеет очень широкое распространение в народе. Что олицетворяет собой жопа?
— Жопа, Митя, олицетворяет тебя, — откликается Маша.
— Ну почему? — по-детски капризно спрашивает Митя и тянется к Маше, они коротко целуются, и Митя продолжает. — Эти два состояния взаимоперетекают и взаимоперетягивают друг у друга энергию.
— Ну, Митя, это феня довольно известная, — встреваю я. — Вспомни хотя бы знаменитую синусоиду Венички. Чем кайфовее тебе вечером, от бухла или там ещё от чего, тем херовее тебе утром. Заметь, что в подобном случае перераспределение энергии происходит во времени. То есть, попросту говоря, выпивая пол-литра или загоняя в вену три кубика, ты перетягиваешь энергию из своего будущего в свое настоящее.
Митя призадумался.
— Ну да, потому что взяться этой энергии больше неоткуда, — заговорил он. — Значит, нужно изобрести такой источник питания, вроде батареек...
— Наш сосед, — начал рассказывать Андрей, отозвавшись на родное слово, — никогда ничего не ест. Нет, он, наверное, ест, когда никто его не видит. А в присутствии других стесняется. Однажды его не было дома, и вдруг отключили электричество. Соседов холодильник разморозился и потёк. Мы в него полезли, чтобы вылить воду и вытереть, а там — ничего. И только в морозилке батарейки лежат. Так что наш сосед давно уже батарейками питается. Или у себя в комнате от сети.
— А вот у меня такой вопрос, — (у меня).
— Как правильно говорить — “пизд**и**ть” или “п**и**здить”, чтобы окружающие не делали мне замечаний?
— С точки зрения научного словоблядия, — стал объяснять Егор, — могу сказать следующее. Это — слова, которые пишутся одинаково, но различаются по звучанию и по смыслу, или омографы. “П**и**здить” — значит воровать что-нибудь. Или бить кому-нибудь морду. Если же кто-то гонит долго, нудно и не по делу, — значит, “пизд**и**т”.
— Но вообще, как сказал кто-то, не помню кто, легализация матерщины и невозмутимое употребление её в обыденной речи привносит в язык всего лишь несколько ранее не употреблявшихся слов. Тогда как лишает речь мощного средства выразительности, ergo, bibamus, — говорит Митя. Егор разливает. Женины друзья по общежитию образовали сепаратную кучку и тоже о чём-то интеллигентно беседуют.
Мы с Машей с размаху чокаемся. Вы сволочи, серьёзно говорит Таня, залили своей водярой мою кровать, причем это уже не в первый раз, вы весь вечер всё делаете мне назло, какого чёрта. Таня, ты всё-таки очень несмышлёное существо, ты же знаешь, как мы тебя любим, и вовсе мы не назло, мы нечаянно, пошли покурим, пошли.
Стеклянный холл, как огромный аквариум, плывёт высоко над землёй в багровом закате. Садимся на батарею, закуриваем. Ты что, давно не обнималась с унитазом, говорит Таня, какое тебе дело, тебя это не касается. Меня это очень даже касается, ты завтра должна быть как огурчик, завтра репетиция, я, блин, не хочу, чтобы репетиции страдали из-за чьих-то там пьянок-хуянок, понятно? А я не хочу как огурчик, я хочу как бесчувственное бревно, как чурка с глазами я хочу —
о! из комнаты в коридор вываливаются остальные друзья, Егор несёт литровую банку с водкой, Маша — книжку в красивой глянцевой обложке.

— Что это у вас такое? — проявляю я слишком живую заинтересованность.
— А это сейчас стали такие книжки появляться, — говорит Маша. — Нужно скосить глаза, и увидишь объёмную картинку. Только нужно долго смотреть.
— О, я знаю такое, — говорит Таня и вытягивает книгу из машиных рук. Маша, впрочем, не особо сопротивляется, она увидела в углу кошку и пошла сгребать её в охапку. Книга пошла по рукам. Банка с водкой тоже пошла по рукам. Егор берёт книгу, смотрит на какую-то картинку и говорит, что видит Микки-мауса. Потом переворачивает страницу, гипнотизирует другую картинку и сообщает, что там — труба. Тоже пытаюсь смотреть, но у меня ничего не получается.
— Объясните мне, я ничего не вижу, — хнычу я.
— Смысл в том, — обстоятельно начинает Егор, — что эти картинки были просчитаны на компьютере, специально. Вот смотри, два карандаша, — неизвестно откуда появляются карандаши, Егор кладет их рядышком, они глядят острыми носами в одну сторону.
— Ты смотришь на них и видишь — два. Но можно сбить фокус, просто изменить принцип смотрения, смотришь как будто мимо. Или приблизить карандаши к глазам. Короче, расслабиться и посмотреть не так, как обычно. И увидеть четыре карандаша, каждый распадается на два. Ну, а потом совсем просто — из этих четырех получаем три, два внутренних сливаются.
Я снова забираю книжку себе и гляжу на немую картинку. Ничего не вижу, кроме того, что вижу: педантично прорисованные чёрным контуры, пёстрая крючковатая рябь, дразнятся разноцветные загогулины, пульсируют и мелко хихикают, — творение параноика. Хорошо, изменим метод. Посмотрим на эту бессмыслицу в упор. Картинка распадается на две одинаковые, изображения начинают медленно и аритмично плавать перед глазами, то приближаясь, то наоборот, это я пытаюсь —
И вдруг — нет, но всего лишь новое ощущение, предчувствие, намёк на стерео, очень смутный намёк, но нужно его обязательно поймать, это удаётся, и усилием воли я притягиваю элементы друг к другу. Чудесное, хрустальное пространство, неожиданностью своего появления, хрупкое и странно освещённое там, внутри, я вижу, вижу!
— Вижу!! — становясь прозрачной и звенящей, радостно прыгаю и лезу ко всем обниматься. Минута, и вот уже все мы, обнявшись, как пьяные греки, шатаясь, танцуем сертаки под небом родимой Итаки.
Когда мы возвращаемся в комнату, пейзаж на столе уже совершенно другой: свежесть и чистота, как в рекламном ролике, вместо грязных тарелок нетронутые, потенция белого листа, чашки. Вадим сидит на подоконнике, кто-то из его друзей — рядом, они играют в две гитары, легко и очень технично, Вадим — профессионал, лауреат каких-то крутых конкурсов, а другого я не знаю, но он, как видно, тоже целыми днями обнимает гитару и щупает гриф. Сидят, развернувшись друг к другу, замкнутый круг, играют негромко, общаясь только между собой, музыка.
— Нужно разрезать торт, — говорит Женя. — Сколько нас?
Маша и Андрей начинают пересчитываться.
— Одиннадцать.
— Одиннадцать.
— Задача, — объявляю я. — Как поделить торт на одиннадцать равных частей?
— Я придумала, — говорит Таня, немного помолчав. — Надо исполосовать его, как матрас. Получится одиннадцать узких, но очень длинных кусочков.
— Не надо, — серьёзно говорит Женя, при этом умудряется на мгновение сделать удивительно лукавую физиономию, искоса взглянув на Таню тёмными карими глазами.
— Дайте мне, я порежу, — берет на себя ответственность Митя.
— Режь, Митя, тебе я доверяю, — Женя двигает торт под неверный Митин нож, Митя режет торт зигзагами, кусочки очень разные, совершенно невменяемой и непредсказуемой формы. Женя разливает заварку, я — кипяток из железного чайника с кривым носиком. На столе вырастает ещё бутылка водки, большая. В углу уже целая батарея бутылок пустых.
Яркий, истеричный, шумный поток, камера, не задерживаясь, безумно быстро скользит по лицам, скульптурным композициям;

мимо проносится очень скорый поезд, взгляд цепляется за деталь, штрих, на секунду приклеивается, можно выхватить, разглядеть, снова срывается, поезд размазан, зелёное в солнечных сполохах мелькание, от него кружится голова.
Выходим курить; снова выходим курить. Долго сидим на батарее в коридоре, видны огоньки сигарет, — значит, уже стемнело. В сумерках, где-то далеко, в другой жизни, проплывает девушка в бигудях, шаркая тапочками, ещё одна, в домашнем халатике, движется, несёт таз с бельём, изгиб талии, рука на отлёте, красиво, общежитие пробуждается к вечерней жизни. Митя, закрыв глаза, читает сонеты Шекспира на английском языке, что с ним бывает обычно на определённой стадии, Егор говорит что-то умное, всё это кажется ужасно интересным, но уже через пять минут я забываю, о чём шла речь. Митя заявляет, что не мешало бы ещё выпить, и идёт в комнату за бутылкой, но возвращается со своей кепкой, выпивка кончилась, деньги кончились, объявляется сбор средств на пропитание маленьких поросят. В кепке образуется кучка мятых бумажек.
Некоторое оживление и перемещение. Женя, Андрей и Егор собираются к метро за выпивкой, Женя несёт целлофановую сумку, и это почему-то очень трогательно, по коридору проходят их тени, на светлом ещё полотнище окна возникают их силуэты. Женин силуэт, на одном дыхании прорисованный, она невысокого роста, в коротком чёрном платье, чёрных колготках и чёрных туфельках, всё так аккуратненько и удивительно изящно. За ушедшими бегут Маша и Митя, когда-то потом все возвращаются.
В комнате шумно и людно, на столе опять образовалась грязная посуда, приходят какие-то люди, играет какая-то музыка, пьём, выходим курить, приходим, выпиваем, карусель завели, а выключить забыли, она в ночи пошла вразнос. В комнате подрубили бас, Женя его отстраивает, Андрей и Егор сидят в углу и возятся с акустическими гитарами.
— Вы можете пока пойти погулять, у меня струна
Сдвиг, прошлое и будущее разъезжаются и расплываются, зато вот этот самый момент, — неосвещённый холл, сигаретный дым, друзья, — кристаллизуется, скручивается в тугую спираль, бессмысленные ряды пятен перетекают в изображение холодное и чистое, оказавшееся трёхмерным, мягко подсвеченное, некая сложная цепь, по которой льёт ток. Не без труда удаётся привязать себя к местности, я — в общежитии на окраине Москвы, мы отмечаем, растворилось в густом тепле. Да, я очень слабый человек, этот разрыв сломал меня, но, блин, в пребывании на грани есть свой кайф, кайф весьма нехилый, и острота, и вседозволенность, лёгкость, мне теперь всё равно, что со мной будет, не хочу больше быть послушной девочкой с умными глазами, которая переходит улицу только на зелёный свет. Сплошной кошмарный Праздник.
полетела, — говорит Андрей.
Наконец нас зовут слушать, мы заваливаемся в комнату, полны предвкушений, Женин бэнд начинает играть одну из своих песен, сама Женя спокойно и безучастно мочит на басу, у неё красивые руки. Убийственный нестрояк после получаса отстройки, за полтона не убивают, говорит Егор, выразительно глядя на Андрея. Песня прерывается, Андрей припадает ухом к корпусу гитары и снова её настраивает, в это время Егор плавно переходит на хучи-кучи, очень драйвово играет, публика впадает в экстаз и начинает орать эту песню, все пьяны в жопу, но получается очень забойно, оттяг, эй, бэнд, кричит Таня, давайте играйте своё, и они опять пытаются играть своё, но у них не получается, сыграли несколько тактов — и снова какой-то облом, снова что-то орём все вместе. Очередная попытка Жени сподвигнуть своих хануриков на исполнение собственных песен проваливается, нет, сегодня не будем играть своё, говорит Андрей, сегодня не катит, мы снова выходим в холл, огромный, пустой, неуютный, там совсем уже темно, только где-то в конце коридора горит лампа дневного света. Оказывается, что уже очень поздно, Андрей и Таня сваливают, потом уходят Маша с Митей, всё допито, нужно сходить ещё, Женя снова берёт свою полиэтиленовую сумку, но в дверях комнаты её останавливает Вадим. Ты никуда не пойдёшь, ты плохо стоишь на ногах, нет, пойду, а я говорю, не пойдёшь, Женя отдаёт

сумку мне и начинает высказывать Вадиму что-то очень нехорошее. Мы с Егором идём к лифту, спускаемся вниз, выходим. На улице темно и очень тепло, душно, ночь не принесла облегчения, направляемся к метро сквозь заросли деревьев. Слушай, подожди меня, я сейчас отолью, говорит Егор и, пошатываясь, уходит во тьму, рядом вырастает какое-то официозное здание с огромной парадной лестницей, я сажусь на ступеньки и жду.
Лестница, как сцена, освещена прожекторами, из-за мощного электрического света в лицо я ничего не вижу вокруг, весь мир отступает, делает вежливый шаг назад, остаюсь наедине с собой. Сижу вдрибадан пьяная, в коротенькой юбке и белых носочках, мимо проходят голоса, я сижу и тупо смотрю перед собой, в голове лениво плавают аморфные мягкие картинки и кусочки фраз, наконец понимаю, что прошло очень много времени, а Егор так и не вернулся. Поднимаюсь на ноги и иду в общагу, в комнате Женя и Вадим, тяжёлое выяснение отношений, должно быть, — когда я вхожу, они умолкают. Егор не приходил? мы с ним потерялись, Женя с Вадимом молчат, хотят выйти из комнаты, я здесь явно лишняя, поэтому выхожу первая и снова иду к лифту, двери разъезжаются, в лифте стоит Егор. Ты где был? А ты где? Я на ступеньках сидела. А я тебя искал, не нашёл, сходил к метро, потратил все деньги вот на это (маленькая баночка с тоником), где-то поранился, показывает распоротую, но не сильно, ладонь, — вот, на, пей. Ничего, у нас в сумке ещё тысяч двадцать, сейчас чего-нибудь купим. Выходим из общежития, очень темно, я ничего не вижу в темноте, давай руку, идём, вот ступеньки, на которых я сидела, сквозь деревья мелькают огни шоссе, выходим на свет, у метро покупаем бутылку красного, идём обратно. Огни шоссе, заросли деревьев, Серенький Волчок Норштейна, блин. Егор достает из сумки бутылку и, привалившись к дереву, вскрывает её. Отхлёбывает, передаёт мне. Я отхлёбываю тоже.
И всё-таки, бля, как круто они играют, с тоской говорит Егор. Вадим с приятелем подцепили и вытащили детское беспокойство, ныло, разогретое бухлом, весь вечер, и сейчас Егор выглядит очень несчастным. Я никогда не смогу играть так, как они, берёт бутылку за горлышко, пьёт, я глажу его по волосам, делаю шаг в пустоту, срываюсь, тёплые тёмные листья где-то высоко, а потом всё медленно разваливается, распадается большими кусками.
Женя уже одна, где вы так долго ходили, она в своих невесёлых мыслях, даже не вспомнила, что я уже появлялась, мы потерялись, мы ходили два раза, а-а-а, как вас только пропустили в общежитие в таком виде. Я ужасно хочу спать, говорит Егор, вползает на ничью кровать и сразу засыпает, мы с Женей выпиваем красного, гасим свет и плетёмся на батарею, курить. Курим молча, глубокая ночь, она о своём, я о своём, потом я иду укладываться, Женя остаётся. В тёмной комнате распахнуто окно, я подхожу продышаться, воздух за окном слишком горячий, там ещё хуже, чем в душной комнате, где-то далеко внизу шныряют огоньки, а рядом с окном на кровати спит Егор, сволочь. Я глажу его по голове, потом ложусь на Танину кровать, но мне не спится, а Жени все нет, и я иду её искать.
В большом пустом туалете много умывальников в ряд, вдоль стены, Женя печально блюет в один из них.

Когда мы проснулись, была уже осень, трамвай зазвенел беззащитной бронёй, и холод прозрачен, и первая проседь земли, и покойник накрыт простынёй.
Когда мы проснулись, был уже день, дурно, седое солнце города стёрло цвета, страшно хотелось пить, красные блестящие губы, обмётанные чёрным, недвусмысленно обозначали вчерашнюю пьянку. Мы распрощались с Женей и пошли к метро. У ларька насобирали по карманам денег, купили бутылку “Жигулёвского”, выпили, немного полегчало. В вагоне метро довольно связно о чём-то трепались, лёгкий непринужденный разговор, мне на следующей выходить, ну давай, счастливо, пока, пожали друг другу руки, аккуратное прикосновение, Егор вышел на Кузнецком мосту, а я поехала дальше.
Вот, собственно, и всё.

Витни
первая публикация: http://vitni.narod.ru

борьба продолжается

Про Нирвану

Говорят, что НИРВАНУ слушают одни гопники. Но поскольку ежели какая-то музыка взмывает высоко-высоко в чартс, то откуда-то всегда вмиг набегает большая толпа этой братии, дабы изъясниться в любви к ней, да ещё неподалеку мельтешит стайка чистеньких мальчиков и девочек, явно предпочитающих “Смирнофф” – “Столичной”, а какой-нибудь ликер “Киви” – “Агдаму”, – они презрительно воротят нос от гопников, но до боли едины с ними в любви к верхним строчкам биллбордовского хит-парада.

На самом деле всё круто сложнее. И главный прикол состоит в том, что ИНОГДА популярной становится действительно хорошая музыка. Бывает так, что органы чувств толпы дают сбой, – и толпа в промежутке между двумя порциями дерьма по ошибке проглатывает кусочек кой-чего получше.

И вот мы с Оксо Витни – вроде, и к “Агдаму” равнодушны, а “Смирнофф” с “Киви” нам вообще не по карману, однако где-то между Окуловкой (которая вопреки здравому смыслу пишется через “О”) и Малой Вишерой договорились до того, что любим НИРВАНУ. Хотя вру – мы уже в Окуловке пили за это газировку. Значит, мы всё решили раньше, между этой А.О.Куловкой и Бологим. И пущай непримиримые оппозиционеры кричат: “Гаси гопников!” и побивают нас каменьями. Это вовсе не значит, что мы кинулись под тёплое крылышко фэнклуба журнала “Billboard”. Потому что – опять же – всё круто сложнее etc.

Теперь, когда Курта Кобейна уже давно нет в живых... Не стоит говорить “с нами”, поскольку с нами его не было никогда. А если и было это “с нами”, – оно было не лучшим местом для этого парня, ибо финал-то был не случайным. И другой нирваны, – кроме этой вот, вязкой, судорожной, слабосильной, сплошь сотканной из бреда и состоящей, казалось, из одних тёмных сторон, – другой нирваны не было. И вот теперь, когда (etc.) – ничего не остаётся, кроме лениво-расслабленного припоминания. И там, в сумеречном и густом ранневесеннем воздухе, который истекает жирным, неповоротливым теплом, и содрогается холодными всплесками, и больно ранится о ледяные кромки по краешкам облезлых крыш, – там тощими, оголодавшими за удушливую подлёдную зиму рыбёшками снуют и вымелькивают на мгновение из ниоткуда – то чьё-то невиданное никогда лицо, то судорожное подёргивание кожи, то дребезжание плохо прижатой струны, то глас небесный сбрендившего микрофона, похожий на посвист гигантского суслика (звук, столь отрадный уху простого советского рокера, впервые дорвавшегося до аппарата).

В начале апреля юные создания соберутся по углам и будут пить при свечах, исходить пьяными слезами, подымать вновь и вновь стаканы и произносить благостные тосты, в которых, конечно же, будет обыгрываться созвучие Nirvana с нирваной. А на станции “Лосиноостровская” кто-то написал это слово на глухой стене ларька, и это похоже на мемориальную доску. А ларёк торгует бухлом, и его хозяева в тот день получат хорошую прибыль. Если, конечно, верно оценят ситуацию и не закроют по глупости сию торговую точку. Есть такие заранее предсказуемые и наперёд запланированные моменты грустного настроения, когда хочется выпить — и выпить много.

Вот так и будут сидеть эти дети (прекрасные, между прочим, цветы жизни) и полоскать в липком воздухе весенних сумерек, в сигаретном дыму (у истока — LM, а в устье — Беломор, ибо к утру деньги кончаются), в винно-водочно-портвейно-пивных парах свои душеньки, ставшие вдруг нескладными, уязвимыми, потерявшимися и отбившимися от рук. И захочется вдруг чего-то большого и чистого (слона в ванной), ни-рыбы-ни-мяса, ни-богу-свечки-ни-чёрту-кочерги, но как бы святого и как бы своего при этом. И глаза, не приколовшись с собутыльничих физиономий, зацепятся за картиночку на стене, и на ней изображённый покажется спьяну этаким

нордическим типом и едва ль не Зигфридом-героем, а гриф электрогитары — ну чем вам не клинок непобедимого Конунга? Но хляби небесныя не разверзлись, и рок-н-ролльная Валгалла не стала погребальным костром, а аэросмитовские валькирии ездят на мотоциклах, возлежат на кушетках tattoo-салонов и крадут хавку в супермаркетах, а Слэша увольняют из G'N'R, – и ничего не меняется. Или просто нечего было ждать, ибо там — всё давно уже мертво, и проржавели дверные петли, и дубовые шкафы ноздревато проедены жуками, и плесень в складках прогнившего бархата... А здесь - смазливые вьюноши, пышнотелые бабы с лужёными глотками и писклявые девочки-ромашки (ах, смотрите, ах, какая я заинька!), и батальон гитарных дел мастеров, продолжающих борьбу за абсолютное первенство в бесконечном состязании под лозунгом "кто быстрее", и усталые богатые дядьки, играющие и поющие скромную, но со вкусом, музыку, на которой стоит, как знак качества, штамп "made in шестидесятые"... И молодая жизнь если и может заявить о себе здесь, – то только вот так – агонизируя, исходя из себя всеми порами и кровью марая паркет.

Ха... И чего это я вдруг взялась писать про НИРВАНУ? Я же пару альбомов только и слышала, а английского так и вообще не знаю. И меня ж любой обсмеет до коликов. Тот же Ганшин – ему, вона, с городу Парижу видео прислали, когда ему взбрело в голову посмотреть на новинку забугорной поп-музыки... Правда, я видела по ящику Unplugged in New York. И могу точно сказать – играть эти ребята не умеют. И ещё ко мне как-то привязалась их песня. И я шла и напевала, а потом тряслась в тамбуре электрички, громыхая костями о железную стенку, и тоже напевала, и идя через рельсы – тоже. И мотив был настороженный, но мягкотелый и жалостливый – рейп ми, рейп ми, рейп ми, май френд etc. И как раз тогда я наткнулась на тот самый ларёк с надписью. После мне кто-то объяснил, что такое рейп ми (гнусно и похотливо при этом хихикая), – и мне стало неприятно. Может, это и лучше, что я не знаю инглиша, – из мотива мне нравилось как раз и не "рейп ми", а "май френд" – этот трогательный, грустный ход – седьмая натуральная идёт в седьмую гармоническую. А "май френд" – это "мой друг", я знала.

"...Саморазрушение-с, господа, саморазрушение-с..." Вот всегда так – когда нечего сказать – всегда говорят "са-мо-раз-ру-ше-ни-е". Изрекают как аксиому, как "против лома нет приёма". Почему-то об этом любят говорить те, кто не пишет ни песен, ни стихов. Или же думают, что пишут, а на деле – пописывают. Но при этом думают, что бухло, травка, внутривенные инъекции, боевые рубцы на запястьях, скорая деградация, шизофрения, ранняя смерть, – что всё это барахло суть непременнейшие атрибуты гения и листочки из его лаврового венка. И каждый такой считает, будто выпитые литры ставят его на одну доску с Моррисоном, сломанные стулья – сближают с Led Zep, а сожжённые гитары делают его духовным собратом Хендрикса (особо учитывая цены на инструменты в Совке). Наверно, это самый жалкий тип саморазрушения.

Другой тип – весёлый. Весь процесс проходит под лозунгами "ноу фьюче" и "после нас – хоть потоп". И это дело руководствуется желанием души вкусить все плотские радости здесь и сейчас (ибо завтра, возможно, не будет ни тебя, ни меня, ни вообще ничего). И бренное тело ломается, не выдержав тяжести враз навалившихся на него всевозможных кайфов. Можно ли осуждать за это? Все вкушают вино этой жизни, и если кто-то не хочет медленно, сквозь зубы цедить его в час по чайной ложке, а предпочитает упиться им до смерти – что же можно тут сказать? Есть ещё и третий тип. Это удел нелюбимых. Они обречены, если никто не полюбит их (или если они не найдут в себе – сил принять эту данность, а вне себя – того, что восполняет пробел и скрашивает отсутствие любви). В принципе, здесь пресловутое саморазрушение – тоже та ещё дурь.

А четвёртый... Кажется, он и объясняет, почему всё это (водка, наркота, девочки-однодневки) липнет намертво к поэтам, лабухам и прочим творческим, так сказать, людям. Вся эта мерзость – не средства ДЛЯ, а средства ОТ. Творчество не зря сравнива-

ют с огнём ("творческое горение" и т.д.). При определённом складе личности созидание испепеляет созидающего. Ведь творческий акт – это отдача прежде всего. Блажен тот, кто и отдать может, и взять умеет. Но среди художников подобное равновесие – дело редкое. Они большей частью похожи на Данилову кошку, у которой не хватает зуба, и поэтому когда она пьёт – у неё половина молока обратно в миску выливается. Вот так и берёт дающий – медленно, помалу и из рук вон плохо. Но то, что всем хочется жить, – разве это преступление? А пресловутый "творческий огонь" пожирает твою жизнь, и ему плевать на то, чего хочется тебе. Но – слава Богу! – есть средства забвения. И пьют для того, чтоб забыться, и колются для того же, и секс туда же – разменять себя, потерять себя, – только бы выжить! Как в блатной песенке:

Эх, бутылочка вина
Не болит голова
А болит у того,
Кто не пьёт ничего!

Эрик Клэптон завязал с наркотиками. Правильно, они ему уже ни к чему. Ему уже не нужно забвение, ведь его нынешняя музыка – не его та музыка. Огонь угас (кстати, это не значит, что стало хуже. Просто всё стало по-другому).

Искушение забвением – реальная штука для того, через чьё сердце прошла "трещина, расколовшая мир". Для того, чей дар – это способность обострённо чувствовать боль. Вернее – чувствовать ВСЁ через боль. Где-то писали, что Курт Кобейн начал принимать всякие-разные таблетки, чтоб приглушить мешавшие спокойно жить боли в желудке. А когда таблетки перестали помогать – тут уж и героин... Известное дело – наркотики ведь болеутоляющее...

А вот Костя Кинчев его всячески осуждает. А вот Джима Моррисона и Сида Вишеза – нет. Потому что спиться или сдохнуть от передозняка – это по-нашему, по-мужски. А самоубийство... Что ж, конечно, это – выбор слабых. Как и рок-н-ролл. Что-то немного среди любителей ходить по сейшенам поклонников штанги и протеинов. И взбрело же Кобейну в себя из ружья пулять – вколол бы себе овердозу: и загнулся бы, и доверие бы оправдал... Хотя у Кости – миссия (молодых учить да спасать), и она велит ему сказать своё решительное "нет" суициду. Да и вообще, вполне возможно, Кинчев искренне не приемлет этого выбора. Ибо он – сильный, он – победитель. Он пришёл в рок, чтобы звездою стать, а не абы как. Для того, чтобы хотеть разделить эту долю и стать частью этой музыки, не более, – для этого надо чувствовать звук. А Костины вещи – пример почти полной неспособности ощущать красоту звучания, некая патологическая бесчувственность в этой области настолько заметна, что уж куда уж более... Сильному же слабого не понять. Потому что быть впереди, на коне и с шашкою – явно лучше, чем быть в жопе. И вот Костя несёт свободу в массы, подымает всех и вся с колен и внушает толпе малолетних придурков, что они, дескать, люди вольные. А придурки и рады, и соглашаются с каждым его словом. А потом надираются до полусмерти и дерутся с себе же подобными. Знай, мол, паскуда вольных. Но если эта урла – вольные, тогда я и паскуда, и балерина, и испанский летчик, и кубинский партизан. Тем не менее мне нравится АЛИСУ послушать, а теперь ещё и Шаттл играть научился – так уж и вообще душевно стало. И быть сей команде непотопляемой, как АЭРОСМИТ. Только девчонок таких Костя хрен найдёт.

Чего-то меня опять занесло. Ну ладно, возвращаюсь обратно в пункт А.

Итак, Курт Кобейн. Иногда его в наших газетах называют Кёртом, но мне больше нравится именно этот германский вариант с длинным и узким "у" посерёдке – не имя, а труба какая-то. Но ежели в парне и есть капля арийской крови – то чувак явно не из тех, кто бегал с автоматом наперевес или таскал бумажки в рейхсканцелярию, а из тех фрицев, наблюдая за которыми некая часть нации выросла в племя маститых немецких психиатров. Физиономия у него отнюдь не героическая, хотя, похоже, человек он добрый. Описывать черты лица не стоит – фотки видели все.

LA BEAUTÉ

красота на улице

EST DANS LA RUE

Небогатый, бесцветный хаер, похоже, бывал мыт крайне редко. Но зато, наверное, если на голову вылить много воды, а потом этой башкой тряхнуть, резко откинувшись назад, с этих слипшихся прядей-сосулек полетят брызги-стрелочки, что будет выглядеть очень красиво. Не знаю, откуда мне это вдарило – то ли из клипа "Литиум", то ли опять же фотка попалась на глаза, – но тогда очень может быть, что на ней был не Кобейн, а кто-то похожий на него. Плюс ужасная манера одеваться во всякую рвань с чужого плеча. И вообще он – сутулый и нескладный доходяга со впалой грудной клеткой и без малейшего намёка на мускулы. Наверно все его сиэтлские сверстники могут писать мемуары на тему "Как я однажды (дважды, трижды etc.) бил морду Курту Кобейну". А если не каждый может этим похвастаться, – значит, мальчишка умел прятаться. Достаточно взглянуть на наших пункеров нежного возраста – тощеньких, сопливых, прыщавых, с зелёными горожанскими мордочками – любой из них сгодится в качестве Курта-минус-15-лет.

А может, он и сцеплялся со всеми подряд, – но всё равно завсегда бывал бит. Ведь музыка – не мужицкое занятие, и уходят в неё с концами те, кому не укорениться в каменистой почве мира сильных. Или то, что пацаны начинают сперва слушать Sex Pistols, а потом – бренчать на гитарах в папином гараже (если папа добрый) – это что, признаки полного благополучия? К тому же это глупо – мода на панк прошла, роком вновь заправляют умелые игрецы и голосистые певцы, крутые композиторы и ловкие танцоры, – а ты дёргаешь струны, хотя твоя скорость передвижения пальчиков по грифу стремится к нулю, и разеваешь пасть, извлекая из себя то, что называется "полным отсутствием какого-либо голоса".

И эта музыка, гранж, ославившая (и прославившая) свой родимый Stadt Сиэтл по всему свету – дохлая она, голодная, загнанная в подземные дыры. И свету в ней не больше, чем в щелях между половицами, ежели из-под пола смотреть. Норная музычка, для маленьких каморок, – чтобы стены трещали. Живущая только под прессом – ей нужна эта сжатость пространства, ей должно быть тесно. И в этом мире не должно быть места, где этого "тесно" не будет. Эта гранжевая беззащитность и бесхребетность не всеми замечаема – сиэтлский саунд, своей мелодичностью напоминающий громыхание ржавых листов кровельного железа, запудривает мозги и пущает в глазки героико-металлерскую пыль, но... Вы видели когда-нибудь котёнка, оказавшегося в незнакомом месте? Как он дыбит спинку, распушает шерсть на загривке, при этом он ещё и злобно шипит? Он-то думает, что вид у него – удалой, гусарский и грозный, но и ежу понятно, что зверюга перепугана насмерть. Вот вам и гранж. И затевалась эта музыка вовсе не с целью покорения MTV, сшибания больших бабок, и даже не для того, чтобы блистать на городских дискотеках, – вряд ли какая-то из этих маленьких командочек была желанной гостьей на школьных вечеринках с танцами. Это была отдушина для неудачников, их последний шанс реализоваться и состояться. Публикой стали такие же придурки, не поладившие с большим миром и нашедшие пристанище в крохотном, но до миллиметра обжитом мирке. Плохие мальчики, разбирающиеся в травке, колёсах и выпивке, и столь же плохие девочки (пример № 1 – Кортни Лав-Кобейн, бывшая группи с многолетним послужным списком. Но, кстати, Кортни не из слабаков. Человека в маргинальные стайки тянет не только его слабость, но и просто патологические свойства натуры. Нормальное общество либерально, ибо даёт шанс удержаться на плаву, пока хватит сил, но оно беспощадно к патологическим типам и очень быстро сталкивает их на дно жизни, если, конечно, эти типы не относятся к племени диккенсовских хитрых сумасшедших, о безумии которых долго-долго никто не догадывается).

Внезапно возникшая из ниоткуда мода на гранж кажется абсурдной. Хотя – повторюсь – иногда бывает так, что популярной становится и т.д. Известное дело – без больших денег не обошлось. Кто-то богатенький решил, что не грех бы встряхнуть эту лавочку. Путём введения чужеродного тела, некоего заведомо раздражающего объекта. И за то, что этот

“кто-то” остановил свой выбор на НИРВАНЕ – спасибо ему, как бы жестоко это ни было. “Жестоко” – это потому, что всё дальнейшее оказалось предрешено этим выбором.

Вряд ли Курт мог предположить, что Nirvana будет продаваться. Если бы он предполагал это и хотел бы этого – ничего бы не случилось, my friend. Ничего. Ведь это была музыка-норка, музыка-убежище, mein Aufenhalt... Место, где никто не сокрушается о твоей никчёмности, никто не бьёт тебя фэйсом об тэйбл. Место, не занятое другими, поскольку для сильных есть более кайфовые зоны обитания. То, что было в Куртовой музыке особенного, – это всего лишь особенность травы и цветов, выросших почти при полном отсутствии света. Этот зыбкий и ломкий контур, эта эфемерность, эта обращённость в собственную тень. Скудный, бесплотный голос, мышиная возня гитарных партий – и странноватая, недоделанная грация целого. Пронзительно-ущербное и донельзя живое. Так мерцающее, каждую секунду готовое угаснуть свечное пламечко вызывает иногда более сильное ощущение горения, нежели ровный свет стоваттной электрической лампы.

Наверно, ей было бы лучше, этой музыке – дома, в своей дыре, в сиэтлском подвале. Её же выволокли на свет – под возмущённые взгляды тех, кто не желал уступить место на солнцепёке, кто был крут, профессионален, хорош собою и считал, что мир принадлежит холёным и сильным. Он действительно им принадлежит, но... Может, есть хоть краешек земли, где можно укорениться, или хотя бы приткнуться, голову преклонить... Ан нет.

А те, что ещё вчера были всячески “за” и говорили, что пусть там, у вас пляшут Мадонны или Мишки Джексоны, но зато у нас рубятся... Далее следовало перечисление, и Nirvana тоже была в ряду. Но так случилось, и Nevermind обратил на себя внимание и обскакал Джексона, и клуб любителей биллбордовских чартс преклонил коленки, и откуда-то сверху посыпались баксы, много баксов, и вместо того, чтобы попытаться выжать хороший звук из поганой аппаратуры, уже приходится заставлять фонить и свистеть супераппарат, и приходится ехать в турне, и критики в очередной раз отмечают катастрофическое неумение играть. А вчерашние соратники говорят “они продались”. “Они предали нас, наше дело, нашу веру-религию!” “Будьте вы трижды прокляты!” И – все едины. И – весь мир contra me. И двери сзади захлопнулись, и в свою норку уже не пускают. А двери впереди так и не открылись. И с Филом Коллинзом тебе не бухать. И со Стингом тоже. И скрыться более негде. Отовсюду видать, и всякий норовит врезать по зубам.

Nirvana пишет In Utero. Критики чешут язычки. Дескать, Курт весь альбом ноет и просит пощадить, пожалеть, взывая к тому, что завтра его уже может и не быть, и будет поздно. Как же, как же, – ну, все мы смертны, так что ж теперь – всем нам друг друга жалеть?

И сильный вновь не понимает слабого, и остроумным критикам по сию пору сладко и спокойно спится. Unplugged in New York – он в топе, всё хорошо, ребятки. Но – изъяв из себя НИРВАНУ, гранж как будто лишился хребта. Pearl Jam, в отличие от, умеют играть. Он даже из-за этого многими был предпочитаем. А теперь – да, есть Alice in Chain, есть кондово-честный Soundgarden, но... Самым слабым звеном в гранжевой цепочке была НИРВАНА, но звено выпало – и цепь распалась. В укор сильным. Хотя сильные не испытывают угрызений. И продаваемость Unplugged можно интерпретировать в духе того, что, дескать, истина восторжествовала. И историю Курта можно пересказать в духе вечного стремления поэта проникнуть в суть тайны, которая – по ту сторону Бытия. Но это не так! Это совсем другая история. История забитого подростка, которого жизнь била-била и в конце концов добила. История человека, не нашедшего ни понимания, ни любви. Хотя, наверное, его любили – может, всеобщий сдвиг по НИРВАНЕ – в нём был момент любви, момент единения и братства слабаков и доходяг, почувствовавших ослепительный вкус шанса, позволяющего на миг увидеть краткий и болезненный триумф слабости, посрамление силы и невластность этой силы.

Как это сладко – сказать “Мы победили их...” Но слишком хрупкой была эта конструкция, и НИРВАНА была не из племени победителей, и ненадёжен был куртов скелет для этого бремени, и не его сбивчивым шагом мерить плац на параде мировой рок-элиты. И не его странной, путаной и слишком далёкой от хитовости музыке вязнуть в миллионах ушей.

Но эта музыка оказалась привязчивой, как бы ни было это абсурдно. Почему-то нирванский гранж (гранж как гранж, он весь, в общем-то, такой) оказался каким-то особенным, совершенно непохожим и дико трогательным. Ничего не требуя, эти песенки взрывали желание сделать шаг навстречу, сказать: “Ребятки, я с вами!” Возьмите, дескать, меня в свою игру, в свою келейку. Нас оказалось слишком много. Мы не влезали в сжатое пространство этой чёртовой музыки – и выволакивали её на простор, с которым ей было не ужиться.

Ха-ха. Хочется сказать, что я ни при чём, что я никогда особо не торчала от НИРВАНЫ... Но как раз поэтому и чувствую себя виноватой, как последняя сука. И сообщеньице то траурное – оно резануло, и не слабо резануло, и вспомнила сразу тех, кто торчал (в отличие от меня), и обзванивала их, и опрашивала: “Ну, как ты там? Тебе очень плохо?” А им не было плохо. Не было. Наверно, мне попадались не те нирваноманы. Не Flee Polly. Не полоумные мальчики и девочки с расширенными фанатическими глазами. Видимо, мои гранжевики были из тех, из фэн-клуба журнала Billboard. Из тех, кто пожимает плечами и говорит “Судьба такой-с. Саморазрушение-с...” И вот я живу, хожу, читаю газетные объявления – у НИРВАНЫ полно своих некрофилов. А те, что не из этих, – они не пишут объяв в газеты. Может, они поняли главное, – насколько бессильна и бесхребетна любовь, раз она не в силах спасти, уберечь, сохранить. И насколько непробиваема нелюбовь, и насколько переменчива псевдолюбовь. И насколько эфемерно живое, и как оно обречено, и что ничего не остаётся. Можно возлагать на Курта ответственность за детей, рванувших следом за ним. Была ведь волна самоубийств среди подростков. Была.

Можно говорить, что Курт сам во всём виноват. Но – в чём? Я не знаю. В загубленных юных жизнях? Но если даже в музыке слабый не находит укрытия – куда ему деться? Любовь? Кортни прервала турне на пару дней, схоронила мужа, произнесла речь “Нет, Борис, ты не прав” и поехала гастролировать дальше. Бизнес, господа. И письмецо Курта не ей адресовано, а кому-то под словом “вы”, и это всё-таки некое единственно-множественное число. Это и ты, девочка, и ты, мальчик. Спасибо за всё, но сил моих больше нет. Нет способа избежать боли и нет мочи терпеть. Наверно, сиэтлский апрель хорош. Как и всякий апрель сам себе стрелок и сам себе мишень. Так просто.

Едва ли не каждый шажок двухлетнего звёздного пути Курта Кобейна был занесён на странички всяких-всяких газет. А о последнем куртовом жесте мир узнал с опозданием на несколько дней и по чистой случайности. В его доме испортилась проводка. Это, кажется, мешало соседям. И электрик пришёл эту самую проводку чинить. Такой судьба и такой прикол. Ведь, в общем-то, всем пофигу всё и вся. Жизнь продолжается. Скоро снова апрель. Первая эннивэсари. Очередная эннивэсари. Достойный повод выпить. Рэйп ми, рэйп ми... И всё то же хрупкое май френд... Плакатики на стене. Сейшн памяти... Соло на магнитофоне. Соло на сидиплейере. Соло в мидифайле. Пи...

Наталья Бородай

первая публикация: журнал ИNАЧЕ, № 1, 1997

поддержите забастовку почтовых служащих

Джерри Рубин добрался до Москвы

В воскресенье 28 декабря 2008 года в клубе имени Джерри Рубина в Москве проходила Новогодняя ёлка. А в клубе «Все свои» в это же самое время проходила презентация книги Джерри Рубина «Действуй! Сценарии революции», а также книги «Motherfuckers: уличная банда с анализом», вышедших недавно в книгоиздательстве «Гилея». Так бывает иногда: кто-нибудь носится с каким-то символом так долго, что когда приходит время подумать о воплощении идей, тем самым символом выражаемых, до дела так и не доходит. Впрочем, ничего хорошего о клубе «Все свои» я сказать не хочу - заведение как заведение, с обычными почти невменяемыми администраторами - например, они полчаса держали на морозе толпу в 70 человек просто из-за каких-то своих внутренних проволочек и открыли вход ровно в семь вечера, будто в театре. Театр, впрочем, обеспечивали как раз эти самые 70 (потом, и довольно быстро, нас стало 130).

Хардкоры и хардкорки, панки, скины (надеюсь, читатели уже выучили и намотали на ус, что не все скины являются нацистами? здесь я речь веду о не-нацистских скинхедах; скины-нацисты именуются вообще-то по-другому: бонхеды или боны, то есть - костяноголовые, те, у кого внутри головы не мозг, а кость), анархисты и анархистки, зоозащитники и зоозащитницы, ребята и девчонки в основном 18-25 лет. Взрослыми в традиционном понимании этого слова здесь можно было назвать разве что основателя издательства «Гилея» Сергея Кудрявцева, основателя дистро и лэйбла OSK Сергея Волошина и меня, Влада Тупикина, основателя непонятно чего (даже ЖЖ tupikin был основан не мною).

Как ещё можно презентовать книжки, посвящённые революции, если не на баррикаде? не на захваченном заводе во время оккупационной стачки? не на массовой демонстрации под открытым небом? Ничего подобного вечером 28 декабря 2008 года в Москве не случилось, так что говорить о революции, конечно, рано. Впрочем, когда она начнётся, говорить о ней станет сразу же поздно, надо будет в ней участвовать или от неё спасаться (это кому как, но с революцией ведь как с бульдозером - или ты в кабине, или среди тех, кого сметают в отвал).

Короче, в этот вечер в Москве играли четыре рок-группы (некоторые из них способны обидеться на определение «рок» применительно к их творчеству, но я всё равно позволю себе обобщить): «Катя и Саша», «Рикошет», «Asian Women On The Telephone» и «Homepage». Все группы мне понравились. Особенно... Да нет, не буду выделять: понравились действительно все. Но политические слова, вполне уместные в этот вечер, говорили люди только из одной группы, увы. Что ж, надеюсь, так или иначе, все остальные способны на политическое действие анархического и леворадикального толка, не зависимо от того, сопряжено ли оно со словами, или нет.

Сцены не было и никто с неё потому в зал не прыгал, но зал сам поднимал и носил под потолком то одного, то другую, поддерживая их под спину и под попу и под руки-ноги своими вытянутыми вверх руками. Падавших в слэме, конечно, немедленно поднимали, за секунды, за доли секунды. Солидарность, выраженная телесно. Где её границы? Проходят по кругу танцпола или выходят за его пределы?

Очень скоро это придётся прочувствовать на своей шкуре (молодой или уже начинающей стареть) многим участникам воскресной революционной мессы - кто-то в зале был уволен с работы накануне Нового года, кто-то будет уволен в ближайшие месяцы, кто-то, кто живёт ещё на шее родителей, скоро больше не сможет на ней жить: уволят и родителей. Проблемой станут не деньги на концерты и

не деньги на новые релизы D.I.Y.-лэйблов, проблемой станут деньги на еду, вернее, сама еда, да-да, та самая, которая право, а не привилегия. Опыт коллективного добывания, приготовления и раздачи горячей еды, осваиваемый разными группами «Food Not Bombs» в последние три-пять лет, может очень понадобиться тогда, в этом ближайшем будущем. В том числе и для поддержки нашей собственной сцены.

Мы не знаем, когда грянет революция и грянет ли она. С датой революции очень неслабо промахнулся в своё время (в январе 1917-го) даже такой мощный мозг, как Владимир Ленин (ошибочно полагавший, что революции придётся ждать десятки лет - до неё тогда оставались десятки дней и не так, чтобы этих десятков было очень уж много). Но точно известно, что когда революция происходит, готовиться к ней уже поздно. Надо готовиться заранее. Как к ней готовиться? Что понадобится больше - какие-то практические навыки или какие-то теоретические наработки? Понадобится всё. Но если практические навыки требует, без пизды, практики, то для теоретических пополнений необходимо лишь время на чтение, обдумывание и обсуждение прочитанного. Время же нынче большой дефицит. Спасибо «Гилее», она подготовила нам пару книг, которые как раз можно прочесть за наступающие Новогодние дни (а не тратить их на бухло и отходняки, как это частенько в России бывает).

Рубина я, например, уже прочёл, «Мазафакеров» только лишь начинаю. Но и Джерри, и Распиздяи писали о леворадикальном и революционном движении, в котором они участвовали в 1960-е в Северной Америке. Что нам до них сегодня, в почти уже 2009-м, на другом континенте, в стране совершенно другой культуры (и контркультуры, кстати, тоже совершенно другой), в совершенно другое время? Чтение их книг обогащает, конечно, вовсе не «сценариями революции». С революциями, да и вообще с реальностью ведь какой закон: хорошо проговоренное заранее обычно не сбывается, и так выходит всё время, что жизнь - это экспромт, и действовать всегда приходится сразу набело, пользуясь всем своим багажом знаний и умений сразу, а вовсе не какими-то заранее затверждёнными (кем-то... а пусть даже и нами) сценариями. Чтение этих книг обогащает пониманием того, что не мы первые в истории такие придурки, которые хотят изменить жизнь к лучшему и думают, и даже уверены, что могут её изменить (и даже уже меняют, мы - меняем), что мир никогда не был глянцевым, что он всегда шероховат на ощупь (и это хорошо) и что вот, были люди, которые в своё время были адекватны этому времени, которые ставили своё время и своё поколение, свою страну и весь мир - на уши. И значит, мы видим, мы читаем об этом, - это возможно, что бы потом не произошло с авторами этих книг (а произошло и происходит разное, и вовсе не все они продались, как можно было бы подумать).

«Книги умные», - сказал Любомудров между песнями. «А я книг вообще не читаю», - добавил Тимур из той же группы.

Ну а я вот - и то, и другое. И читаю, и не очень. Ну, вы знаете, чукча скорее всё же не читатель...

Но я знаю, я вижу, я чувствую - все мы думаем, все мы способны на действие и все мы, надеюсь, окажемся в дееспособном состоянии, когда придёт время. Собственно, это время уже пришло. Видите, слышите, чувствуете? То-то же.

Влад Тупикин
31 декабря 2008 года, Москва
первая публикация: сайт Bakunista!

2012: Первомайский дневник

Для начала, в берлинскую Вальпургиеву ночь и первомайским утром 2012 года, — мне снились сны.

Ночью снилось, что куда-то на окраину Москвы, скорее всего, на Рублёвку, северные корейцы сбросили маленькую атомную бомбу. Я как раз был на открытом пространстве, типа на бегах или бое быков (перед сном мы смотрели взятый в киноманском прокате фильм «Assassination of Trotsky» с Роми Шнайдер в роли страдающей молодой женщины, Аленом Делоном в роли убийцы — режиссёр справедливо ни разу не называет его подлинного имени, незачем поддерживать геростратову славу отдельных «героев Советского Союза», — с Ричардом Бёртоном в роли Льва Давидовича Троцкого и фотографией «товарища» Сталина, отражающейся в тихой воде озера, — в роли «товарища» Сталина, — так вот, там как раз был «бой быков», вернее, убийство быка на арене, показанное с максимальной физиологической жестокостью) и вот, то ли не желая смотреть на убийство быка, то ли не видя его особо из задних рядов, я поглядел на горизонт и обнаружил там, далеко — маленький «гриб», знакомый с детства по рекламным плакатам гражданской обороны «Атомный взрыв в разрезе», развешанным тогда по всем школам, вузам и путягам большой северно-южной страны.

Рублёвка — это справедливо, подумал я, рывком проснувшись, хотя, конечно, жаль населения Москвы и себя самого — радиация, опять же, ну и всё такое (на всякий случай я сделал потом звонок на родину: корейцы не беспокоили, беспокоили менты, забравшие на демонстрации нескольких анархистов за отказ снимать маски — как будто в России существует запрет на их ношение, но нет, я же знаю точно: Москва — не Германия, где их — да, на демонстрациях запретили).

Дальше, как и положено под утро, мне снились сны биографического и эротического содержания — о них умолчу.

Явь началась с радио Deutschland Funk. В целом куда более адекватное, чем любая российская радиостанция, оно утром 1 мая не удержалось от классовых передержек: полиция, дескать, защищает Берлин и Гамбург от левых радикалов. Как будто левые радикалы когда-либо угрожали самому существованию Берлина и Гамбурга. Нет чтобы сказать правду: перекормленные наглые мордовороты развернули в Берлине и Гамбурге пункты открытой демонстрации оружия и бронетехники с целью провоцирования ненависти и дестабилизации общества. Несколько таких передвижных пунктов человеконенавистничества мы могли лицезреть ещё накануне: мордовороты числом до десятка в каждом пикете, обвешенные пистолетами, электрошокерами, газовыми баллонами, — занимали углы нескольких людных площадей, поигрывали мускулами, бронежилетами, налокотниками и наколенниками что твои гладиаторы, а рядом стояли их зарешёченные по брови четырёхколёсные «ванны».

Утренняя прогулка по району, обычно далёкому от классовых битв, показала нам, что паранойя торжествует: витрины банков наглухо закрыты оргалитовыми щитами, то же самое произошло с витринами универмагов бытовых мелочей. Ну, банки, допустим, понятное дело, — в мировом экономическом кризисе, который ещё не отбушевал, они виноваты прежде всего, и теперь закономерно ожидают возмездия, а вот сеть универмагов до сих пор вспоминает времена, когда запрещала у себя профсоюзы, разрывала коллективные договоры с работниками и переводила их на хреновые индивидуальные контракты. Ну и ладно, что район мирный, ну и ладно, что леваки в Берлине в последний раз разбивали

витрину банка может быть шесть или восемь лет назад — ничего, все затраты по оргалитовому бронированию будут потом не впервой восполнены из карманов клиентов: капиталисты любят фестивали за чужой счёт.

Традиционная «революционная первомайская демонстрация» назначается в Берлине обычно на шесть вечера и тусует по Кройцбергу и Нойкёльну — районам, в которых живут сами леворадикалы и их товарищи по социальному дну — турки, курды, арабы и бог весть какие ещё мигранты, я лично часто слышу там польскую и какую-то другую славянскую речь, попадаются и итальянцы. На этот раз маршрут проложили до Митте — центрального района, средоточия и очага джентрификации, откуда она как зараза распространяется по некогда почти что вольному городу, в котором в начале 1990-х в совет жителей сквотов входили коллективы не менее 300 захваченных зданий. Впрочем, никто из нас не верит, что демонстрантам и демонстранткам дадут пройти весь маршрут.

У нас, однако, есть ещё время до начала вечернего антикапиталистического эксперимента, Первомай в Германии — официальный выходной, так что мы седлаем железных коней и, погоняя их педалями, держим курс на Вайссензее, где сразу за улицей Пуччини уцелело с довоенных времён большое еврейское кладбище, занимающее территорию, выкупленную у города в 80-х годах XIX века. Если вы бывали на немецком кладбище в Москве, то согласитесь, что идея провести среди могильных плит половину праздника не столь уж экзотична — всё кругом чинно, аккуратно, красиво и зелено, да ещё и птицы поют. Словом, хороший архитектурно-дизайнерский парк без рекламы и аттракционов. В Вайссензее — примерно то же самое, только территория раз в десять побольше, да наряду с латинскими иногда попадаются еврейские буквы и могилы отмечены не крестами, а шестиконечными звёздами. Нынче за кладбищем следят и, пусть небольшие, но хоть какие-то деньги выделяются из городского бюджета на реставрацию памятников ежегодно. Ещё есть частная инициатива группы солдат бундесвера (немецкой армии), которые скидываются на надгробные камни для тех могил, где по каким-то причинам они отсутствуют, а потом сами же их устанавливают. Это довольно скромные небольшие плиты — никаких украшений, только имя и фамилия по-немецки, даты рождения и смерти, шестиконечная звезда. Зато нынешние солдаты возвращают умершим право на имя и право на надгробие. Всё это необходимо потому, что за большинством могил следить совершенно некому — родственники похороненных здесь людей были убиты нацистами и солдатами той другой немецкой армии, которая называлась вермахт.

Подруга цитирует мне старинную песенку из недавно виденного документального фильма об этом историческом месте: «Ты точно ещё хоть раз увидишь голую девушку, раз двадцать-тридцать застанешь снег, а потом отправишься на поле «П» кладбища Вайссензее». У нас нет планов найти чьё-то конкретное захоронение, мы почти ничего не знаем о еврейской жизни прежнего Берлина (разве что слышали говорящее старое название района вокруг Новой синагоги — район сараев), о тех же русских из Шарлоттенграда 1920-х мы знаем гораздо больше — читали «Машеньку» Набокова, видели где-то логотип газеты «Руль» и в курсе, что Андрей Белый отплясывал тут ночами фокстрот, после того как разочаровался в антропософии и мучительных многочасовых медитациях. Словом, никакого плана нет, кроме явно подсказанного песенкой — мы идём искать поле «П». С немецкой точностью все поля подписаны, все части пронумерованы — мы уверены, что найдём «П» чуть дальше по алфавиту.

Трудности начинаются примерно после «М»: внезапно мы обнаруживаем, что дальше — «Е 2». Шахматная логика при этом тоже не работает — ни «Е 4», ни заветного «П» мы так и не находим за те полтора часа, что остаются до закрытия кладбища. Отмахав порядочно километров и встретив образцы всех стилей последних полутора сотен лет, включая неоклассицизм, модерн, конструктивизм и китч, а также повстречав не больше дюжины других посетителей, мы, мимо свежих могил с кириллицей и с не полагающимися по еврейскому обряду увядающими (недавно свежими) цветами возле надгробий, но со всё теми же

шестиконечными звёздами, выходим снова к воротам, умываем лица и руки и оказываемся таковы. Отстёгивая велосипеды и соображая, ехать ли на демонстрацию, успеваем увидеть одного настоящего религиозного ортодокса в чёрном костюме и шляпе, а также услышать, что вышедшие перед нами говорят по-польски.

Первомайский Берлин полупустынен — в понедельник тоже многие отдыхали, а три выходных подряд — такой же, как на Руси, повод выбраться за город, так что обратная дорога на великах не представляет проблем, улицы свободны. Но всё-таки это мегаполис: мы глядим на часы и понимаем: до Кройцберга к шести нам никак не добраться. По опыту прошлых лет известно, что по дороге в демонстрацию не особо вольёшься — скорее всего, помешает полиция. Что ж, остаётся поджидать идейных братьев, сестёр и транс-кузенов/кузин у конечной точки. Но дойдут ли они туда? Амба, похоже, пропала для нас демонстрация!

Но чтобы хоть как-то отдать должное этому дню и тем жертвам, что были принесены на алтарь свободы 126 лет назад в Чикаго и много где ещё много позже, мы выбираем на карте ближайшую толковую коммуну в захваченном доме и едем туда. Ура! — наша подруга сорока с чем-то лет — панк, художница, фотограф и одна из старейших здешних коммунарок, — на месте. «Почему ты не на демонстрации?» — стараюсь спросить я как можно вежливее. «Да что-то уж каждый год всё одно и то же, никакого толком протеста, никакого выражения политической позиции: сначала тусовка, потом драка с полицией. Потусоваться же я и у себя во дворе могу, и без всякой драки. Кстати, заходите», — коммунарка приглаживает ирокез, свалянный в белокурые дрэды.

Мы открываем дверь, аккурат между кафебаром и «Клубом польских неудачников» и оказываемся на территории Schokoladen Fabrik, знаменитого дома, захваченного автономами, анархистами и художниками 22 года назад и теперь ставшего настоящей негасимой звездой альтернативного Берлина в окружении наступающего со всех сторон новейшего коммерциализированного Митте.

«Хотя, может быть, именно в этом году политического содержания в демонстрации как раз побольше, — продолжает подруга, — да и маршрут на этот раз выбран более осмысленно. Но меня так измотала вся эта зимняя борьба, да и была уже третьего дня демонстрация у нас на районе... В общем, во дворе так во дворе. Хорошо, что зашли».

Под зимней борьбой наша голубоглазая приятельница с дрэдами имеет в виду намечавшееся на 22 февраля и встретившее большое сопротивление выселение «Шоколадена» — коллектива жилищно-культурного товарищества, включающего в себя помимо нескольких этажей жилых помещений также театр, библиотеку, мастерские художников, тот самый «Клуб польских неудачников» и ещё один клуб-кафе-бар, собственно Schokoladen (спасибо шоколадной фабрике, обанкротившейся ещё во времена ранней ГДР и оставившей в наследство будущим сквоттерам шикарную недвижимость начала XX века и многозначное имя — тут и горький шоколад автономской жизни, и шок, вызываемый капиталистическим окружением, и то практически отсутствующее в современном/устаревшем русском понятие, которое по-английски обозначается как infoshop, а по-немецки как Infoladen), кабак со сценой, в котором переиграли, наверное, все интересные независимые группы Западной, Центральной и Восточной Европы (включая Россию), крутящиеся в промежутке между панком, рокабилли и фолком. 8 марта, например, играла питерская «Ива Нова». 8 марта — это значит не только Der Internationale Frauentag, это значит, что выселение не состоялось.

Наша коммунарка проводит рукой по глазам и лбу, поправляет кепку, и начинает сворачивать себе курево без фильтра из табака Pueblo, самого дешёвого в местной рознице: «В последний момент, когда решение суда о выселении уже было принято и по всему городу готовились к пышным похоронам очередной городской легенды — с обязательными в таких случаях полицейским

je vote
tu votes
il vote
nous votons
vous votez
ils profitent

GREVE du VOTE

я голосую, ты голосуешь, он голосует,
мы голосуем, вы голосуете – они пользуются.
стачка – голосованию

CONSEIL FEDERAL du REL

насилием, газом, арестами и прочим, — нам удалось переломить ситуацию. Нашим домом заинтересовался один швейцарский фонд из Базеля (основанный по стечению обстоятельств тоже 22 года назад), который ставит себе задачей выведение земли и зданий из коммерческого оборота. Фонд вдохновляется идеей швейцарской земельной реформы, которую много обсуждали в 1920-х, да так и не приняли, раньше он помогал в основном вальдорфским школам, выкупал для них участки и здания по всей Швейцарии, а потом расширил сферу своего действия на весь немецкоязычный мир и на области альтернативной культуры и жилищных проектов, предусматривающих совместное проживание людей разных поколений — ну, это чтобы не создавать пропасть между старыми и молодыми, чтобы не плодить дома престарелых, чтобы опыт передавался. У нас-то как раз и то, и другое: и культура, и разные поколения живут», — подруга махнула рукой на двор, где как раз в этот момент девочка лет восьми раздраконивала куклу под одобрительный посвист лысеющего и седеющего первого поколения сквоттеров. — «Так вот, они решили выкупить дом у хозяина-монстра, объявившегося несколько лет назад и с тех пор ведущего против нас войну. Бумаги ещё не подписаны, но устно многостороннее соглашение (мы, швейцарский фонд, районные власти, Сенат города Берлина и монстр) заключено, причём при свидетелях. Фонд, на самом деле, очень интересный. У меня лежит наверху их отчёт за 2010 год, они очень клёвые проекты и в других местах поддерживают, такой практический антикапитализм, в общем, хорошо распоряжаются своим капиталом миллионов в десять или сколько их там, забыла».

Двор «Шоколадена», а вместе с ним и первомайский Берлин погружается во тьму. Девочка с недоломанной куклой уходит спать, взрослые достают пиво, одна сквоттерша приносит себе из «шпеткауфа» (магазина-ночника, если по-нашему) четвертьлитровую бутылку шампанского и стеклянный бокал. Нам пора. На прощание мы наведываемся к сине-зелёной с красными ярмарочными губами и сосками русалке, укреплённой под потолком — голова над мужской, хвост — над женской кабинкой. «Do widzenia!» — говорит кто-то у соседней двери польского клуба. «Tschüss! Bis bald! Увидимся на днях!» — взмахиваем мы руками своей подруге, сердечно обнимаемся с ней по-немецки и совершаем последний рывок на велосипедах к месту предполагаемого финиша автономной демонстрации. На Унтер-ден-Линден всё тихо и чисто, как и не было ничего.

Чуть позже, дома, мы узнаём, что и правда же — не было. Радио приносит новости: в берлинской революционной первомайской демонстрации участвовало десять тысяч человек (это данные полиции, организаторы говорят о 25 тысячах), но до Митте она всё-таки не дошла, её разогнали ещё в Кройцберге — якобы кто-то что-то кидал в полицию и какое-то стекло разбивал. Знаем мы, кто эти «кто-то» — в прошлом году это стопудово были переодетые демонстрантами полицейские провокаторы, их было так много тогда, что отряд полиции (в форме) не признал другой отряд полиции (без формы) и потравил его газом. Обидевшись, провокатура подала на своих коллег заяву в прокуратуру.

День закончился ожидаемо, Deutschland Funk не врала: в начале второго ночи мимо нашего дома в спокойном со времён Второй мировой войны районе (до сих пор не заделанные пулевые отметины на штукатурке — тому порукой) проехала ровно 21 полицейская «ванна» — так, защитив Берлин от свободы собраний, менты разъезжались на пригородные базы, — снимать доспехи, копить хорошо оплачиваемую ненависть до следующего случая и надрачивать до посинения свой Ordnung. Впрочем, форма у них, тем временем, уже посинела до общеевропейского стандарта, а по количеству красного и чёрного Германия пока отстаёт. Ну, ничего, чай именно здесь земля разродилась Карлом Марксом, а Михаил Бакунин именно в Германии руководил самым отчаянным в своей жизни вооружённым восстанием.

Ça ira!

Влад Тупикин
1-2 мая 2012 года, Берлин

ОМОН – SS

Теперь она покупает косметику в «Летуале»,
наличным деньгам предпочитает карточки Visa.
Она себе позволяет любые капризы,
которые с подросткового одолевали.

Она поменяла пяток работ и живёт в столице.
Все фото фэйсбука — какая она красотуля.
Она с удовольствием трудится и веселится.
В Италию мамку свозила, помогает своей бабуле.

Мечты её связаны с улучшением соц.условий.
Пугает финансовый кризис, потеря гарантий.
А Права Человека, творческий рост и защита гражданских позиций,
журналистика, фотоискусство — больше не беспокоят.

25, 29 ноября; 2 декабря 2012
Москва, Берлин

Лена Дудукина

полиция обращается к тебе каждый вечер
в 20 часов в новостях по ТВ

Мише–Мокве (Большому Медведю)

1. Молитва

О Великий Медвеже,
Сподвигни меня на борьбу,
Чтобы нам побороть
Человечье-медвежью судьбу.

Чтобы жить-поживать нам
Без клеток и концлагерей,
Чтоб тепло батарей
Заменило огонь батарей.

Чтобы были леса
Не постройки, а вправду леса,
Где свободно гуляют с улыбкой
Медведь и лиса.

Чтоб в чиновничий бывший забытый
Зайдя кабинет,
Получил бы Ты от коммунаров
Полный обед:

Чечевицу с орешками,
Горку морковок и сок...
Или что бы ещё
Заказать коммунарам Ты мог?..

Чтоб не ели друзей мы
И даже не ели врагов,
И забыла бы дверь,
Что такое тяжёлый засов.

И забыла бы зверь,
Для чего учиняют пальбу...
Вдохнови меня, Отче Медвеже,
На эту борьбу!

2. Размышление

Может, правда, я — Марфа,
Порою пекусь не о том,
Благодарным пребыв,
Хоть и не бессловесным, скотом?

3 Continents 1 révolution

три континента — одна революция

И нужна ли взаправду Тебе
Чечевица моя,
Коли ты пребываешь
В заглавном краю бытия?..

Но мохнатая дева Мария
Покажет мне нос
Сквозь решётку, и в этом — острейший
Ответ на вопрос.

А потом разберёмся
С сознанием и бытиём...
Всходит новый эон, и мохнатен
Его окоём.

Александр Малиновский
18 декабря 2012 года

полицейский на фоне карты франции:
за насилие, ненависть и репрессии
ПАРТИЯ СТРАХА

Три песни о старости

1.

Когда я буду старым
Например, через 20 лет
У левых по-прежнему
Не будет нормального общего сайта
Или хотя бы одной нормальной газеты
И единственным фронтом моей пропаганды
Останутся бабушки у подъезда
Ровесницы.

Сегодня они матери семейств
У кого-то уже появились внуки
А у кого-то пока подрастают дети
Мода на чайлд-фри -
Это всё-таки более позднее поколение.

А через 20 лет все они
Разместятся у подъездов
И их уши будут свободны
Для анархо-коммунистических рассказов
Которые (допустим, я) лысый беззубый старик в кепке
Будет втирать им неутомимо, как когда-то
Я втирал их молодым девушкам
Как сейчас ещё иногда втираю.

Эту идею мне подкинул Антон Розенвайн
По прозвищу Дринч
Это было ещё до его первой ходки.
Не уверен, что он сам будет её осуществлять.
Впрочем, его записи на фэйсбуке
Напоминают мне иногда
Такое ворчание
Будто он сидит на лавочке
Со старушками и старичками
Только я не пойму никак
Что же он пропагандирует.

Антон говорил: надо выбрать один подъезд
(Или парадную - не помню
Как он это называл, по-питерски или по-московски
Прищуренный уроженец Борщаговки)
И регулярно, каждую неделю
Пихать по почтовым ящикам стариков
Леворадикальную газету.
А другие дни недели
Сдабривать листовками и актуальными призывами.

На вторую неделю они будут удивлены
На третью расскажут соседям - друг другу
Четвёртого номера будут дожидаться
И обсуждать его у подъезда.
Через полгода такой пропагандистской работы
Старики сами создадут ячейку
Начнут платить взносы и писать письма в газету
Будут выходить на демонстрации
А кто-то, возможно, даже уйдёт в подполье.

Смешная идея - сказал тогда я
Может чтобы сказать ему что-то приятное
В его день рождения -
Он был один в нашем мрачном городе М.
Приехал по делу
(Которое и привело его к первой ходке)
Ведь надо сказать что-то тёплое человеку
В его день рождения...

Тем более вторая его идея -
Создавать ячейки среди детей
Подучивая десятилеток
Подкладывать кнопки на стулья учителям
Пока они вышли пописать на перемене -
Нравилась мне не очень
От неё слишком уж несло маоизмом
И прочими тоталитарными
Теориями и практиками.

Итак, решено: через двадцать лет
Когда буду старым
Пойду агитировать в стариковские массы
Другое дело, что такую старость
Тоже надо заслужить
Упорным трудом и сохраненьем здоровья.
Мне же свойственно
Помимо вредных привычек
Хроническое впадение в безработицу
Бессонница у монитора
И лень в рабочие дни.

Так что, я думаю, проект Антона
Окажется неосуществлённым -
Не только потому что нет, не было и не будет
Еженедельной революционной газеты -
Я сам могу пиздеть похлеще газеты
«Как Троцкий» - так говорили в моём детстве
А то и круче
А потому ещё, что в Портлэнд воротиться
Нам не придётся никогда.

2.

Про старость мы все знаем
Из глубокого детства
Почти у всех были бабушки и дедушки
А у кого не было - те видели
Стариков и старушек.
Старушек - на лавочке у подъезда
А стариков - у пивного ларька
Или за деревянным столом
Вкопанным под деревьями
Где они забивали козла
И кричали: «Рыба!»
И решали, кто из них козёл
И вспоминали про Сталина.
Стариковская фантастика и футурология:
«Сталина на них нет!»
При Сталине половина из них
Сидела бы за колючкой
А половина - охраняла бы их
Прогуливаясь вдоль колючки -
И никакого козла
И, конечно же, никакой рыбы.

Впрочем, «Русскую горькую»
Подняли до сорока оборотов
(С тридцати)
Ещё в начале двадцатых
И они глушили её
Пытаясь забыть про колючку
В отпуске вечерами
В ресторанах третьей категории
И всё остальное время
В бытовках после работы
Или как назывались эти бараки для вохры
Которые по сути те же бараки
Только формально имели другой статус.

Мы все знаем про старость
Ещё с глубокого детства
Когда запускали машинки
Или таскали кукол
За косички
Например, если у подружки
Была стриженая голова
И косичек не было.

Старики точно так же, как дети
Подъёбывают друг друга
И также остро и непосредственно

поддержка захваченным заводам
для победы народа

Переживают пиршество воробьёв
Накинувшихся на недоеденную людьми булку
На асфальте в Чертаново
Или на столике китайской чайной
В Марцане
В саду с золотыми рыбками
Резными павильонами и водяной черепахой
В Восточном Берлине.

Мы всё знаем про них
Мы обо всём догадались ещё в детстве
На прогулке в детском саду
В дождливый день в беседке
В битве за игрушку или за место на скамейке.
Так и они - теснятся под козырьком подъезда
Кто-то шамкает губами -
Его всегда побеждают в споре
Кто-то, опираясь на палку
Чревовещает истину на последнем излёте
Кто-то судачит о молодёжи
Принимая за проститутку
Девушку в мини и на платформах
Как было принято в постхипповские
Семидесятые.

Такая старость нас не пугает
Образ довольно понятен
И не слишком отталкивает:
Общество, разговоры
И даже возможность
Анархо-коммунистической пропаганды
По методу Тупикина-Розенвайна
(Один собирается осуществить
Другой когда-то придумал).

Только такой старости ни у кого из нас
Больше не будет
Мы пожили ею в детстве -
И хватит, и амба.
83-й закон федеральный
Угробит наши больницы
Угробит сады и школы для наших внуков
И вместо того, чтобы со страхом
Проходить мимо нас - стариков и старушек
Или с почтением
Или пускай с равнодушием
Нейтральным и безопасным
Они будут охотиться на нас из рогаток
С электронным наведением
Как сейчас какие-то поцы в Грозном

Охотились лазерными указками
На рейсовые самолёты.

Мы вымрем, не доживая до старости
А если кому-то придётся
Заканчивать век сединами
На пенсии нам жировать не получится
Пенсии как раз отменят
К началу нашей старости
По предложению миллиардера Прохорова
Или ещё какого-нибудь миллиардера.

И если тебя не свалит
60-часовая рабочая неделя
До 67 лет
То с 67 начиная
(Возраст выхода не пенсию
Перед её полной отменой
Тоже, конечно, поднимут
До этой вот самой цифры)
Угробливание гарантировано
И похороны - в братских могилах
За государственный счёт
Похороны поколения, которое не сумело
Проебав одно государство
Предотвратить второе и третье
И так, без борьбы, заслужившее старость
Во время которой, возможно
Начнёт, наконец, бороться.
Но - поздно.

3.

Ире К.

С наступлением старости
Сексуальные желания никуда не деваются
Как можно было бы подумать
Глядя на стариков и старушек
На лавочках или в метрополитене
(Имени Ленина он называется
Или имени Кагановича -
Совершенно неважно).
Секс становится не более желанным, не менее
Всё остаётся как и во взрослой жизни
Так называемой
(Впрочем, у меня сексуальные желания
Проявились ещё в раннем детстве
И это нормально - так бывает со всеми
Если честно вспомнить).

Порнографическим делают секс
Специальные сайты
Фотографии, видео, вздохи
И «спортивные клипы» по ночному каналу
С рекламой секса по телефону.
Секс, если он не по телефону
Дело такое же обычное, естественное
И пристойное
Как стакан воды -
Так учила нас Александра Коллонтай, большевичка
И богоискатель Богданов -
В перерывах между эмпириокритицизмом
Написанием коммунистической научной фантастики
И основанием института переливания крови.

В этой самой крови есть и было всегда
То самое желание секса
Как желание ласки
Желание радости
Желание знания
Желание дружбы
Желание новизны
И желание привычного
Как и все естественные желания
По отдельности
Из которых жажда секса
Состоит как старый заморский паззл
И на которые не распадается
Даже при бомбардировке коллайдером.

Потратив денег как на московскую кольцевую дорогу
Или всё-таки немного меньше
Если убрать коррупционную составляющую
В пересчёте на километр стройки
Коллайдерные бомбардировщики
В белых халатах
Реанимировали бозон Хиггса
С которого всё начиналось
13 с половиной миллиардов лет назад
Или 14 с половиной
(Со временем я стал хуже запоминать цифры).
Католическая церковь сразу присоседилась
(И православная хотела бы присоседиться тоже)
И переименовала бозон Хиггса
В частицу Бога.

Это очередное религиозное извращение
Наследие инквизиции и домостроя
Ведь ясно
Что самое необязательное

A LA
révo
LU
TIoN.REVOLUTION

Comité
d'Action
des Publicitaires

да, да, да, да, да, да революции

Вязкое
Неуловимое
Тормозящее саму природу -
Если иметь в виду природу вещей -
Явление исчезающего мира
Это никакой не бог
Это секс
Дающий всему начало
Это влечение к делению
Объединению и размножению
Это бунт против энтропии
И сама энтропия
В одном стакане
И только боязнью журналистов
Опасающихся обвинения в пропаганде педофилии
Можно объяснить эту
Чудовищную несправедливость -
От нас скрывают
Что получив бозон Хиггса
Открыли частицу Секса
А не частицу Бога.

Только не надо думать
Что я хочу поставить секс
На место бога.
У них совершенно разные места
Вернее, у бога вообще нет места
В моей картине мира
В моей нерелигиозной Вселенной
Где есть Бозон, Марс, Венера
И искры электричества между ними
И центр дальней космической связи
И любовные телеграммы
С Венеры на Марс
С Марса на Венеру
Как и писал в 1908 году
Эмпириокритик Богданов
Победивший Ленина в шахматы
На чемпионате Капри
(Судьёй был Горький).

В старости, когда секса будет хотеться точно так же
А доступность его предполагаемо снизится
Мы всё равно не встретимся с тобой
Как не встретились тогда перед семинаром на крыше
Когда смотрели на Волгу
И говорили про 68-й
Вместо того, чтобы его делать.
И ты всё это устроила чрезвычайно разумно
Только забыла о сексе

И тем всё угробила -
И Революцию
И 68-й
И ощущение смысла жизни
За пределами шитья d.i.y.-сумок.

Возможно, дети, их воспитание
Займут тебя на какое-то время
Но по моим подсчётам
К моменту, когда меня настигнет старость
(Если она меня, конечно, настигнет
А это вряд ли)
Твои дети вырастут и уйдут от тебя
И ты, поздно расцвётший цветок
Ты, веточка в апреле
Будешь искать какого-нибудь молодого хуя
Панка или правозащитника
Это, в сущности, конгруэнтные величины.

И мы снова не соединимся
Как и было предначертано
На крыше офиса над Волгой
В закатный день
Когда провожали очередную годовщину 68-го
Вы - дети, вставшие за руки в круг
И я - старик
Который не доживёт до старости.

В.Т.
Берлин, Пренцлауэрберг - Марцан, 15 августа 2012 г.

Последний день осени

Стоял последний день осени — не той ноябрьской тяжёлой одури, когда небо уже набухло снегопадом, нет, это был лёгкий последний день, когда в Москве ещё можно пить чай в уличном кафе, не опасаясь нажить простуду, но при этом желательно уже кутаться в шейный платок и нитяные перчатки. Жёлтые и красные листья тянулись по тротуару, влекомые чуть зябким ветерком. Над Третьим Римом разгорался закат, дело было недалеко от центра, в одном из тихих районов, где живут уже преимущественно богатые люди. Такой процесс постепенной замены жителей по-западному зовут, кажется, джентрификацией.

На стул рядом с нами, — единственный свободный, — приземлился высокий и ладный молодой мужчина, — можно было бы сказать парень, если бы не было в нём какой-то увесистости, солидности и внутреннего достоинства. По виду — успешный двухметровый бандит, давно перешедший в стадию успешного бизнесмена. Новый сосед по столику зашёл издалека: о природе, о погоде, о том, как нелегка доля московского жителя чисто с фенологической точки зрения.

— Последний день, наверное, любуемся, — кивнул он в сторону заката, и правда — нежнейшей розовой красоты, с лёгким оттенком смога. — Скоро уже начнётся: дожди, холода, серость, слякоть, грязный снег... На улице уже не посидим, пойдём внутрь. Ещё больше захочется комфорта, тепла, — показал он на действительно очень уютное и очень дорогое кафе, в котором мы, его невольные собеседники, могли позволить себе ну разве что по чашке чая, да кусочек шоколадного торта на двоих. — Ну, такая у нас природа, в северном городе, — вздохнул он. — А на уют, на тепло ведь нужны деньги, так? Ну, чтобы смочь пережить эти полгода. Ну, какие-никакие деньги-то нужны будут, а?

— Нужны, — фаталистически согласились мы.

— Вот и я говорю, — продолжил незнакомец свой монолог. — Хоть и считается, что не в деньгах счастье — и это правда! — но совсем без них, проклятых, не обойтись. Вот у вас высшее образование есть? — неожиданно живо перескочил он с темы на тему.

— Есть.

— Это хорошо. Вот и я теперь получаю. Хожу учиться уже три недели. Интересно!

Закат понемногу приходил в негодность. Наш собеседник поспешно поправился:

— На юридическом, конечно. На вечернем. Сижу на первой парте. Молодёжь в группе шебуршится, но я — не, я сижу и учителей слушаю, внимательно. Хватит уже — насиделся на последней парте с первого по восьмой класс! Ни хера не учил! А потом вообще пошли карты и... всякие прочие весёлые дела. Нет, теперь мне нужны знания. Итак уже сколько лет потерял. 31 год — решил, раз время есть — пора уже! Ну, во-первых, иностранный язык нужен — это всегда в жизни пригодится. И история, конечно, без этого в нашей стране никуда. Надо же знать, что они там делать будут, надо аналогии проводить. Они же там, наверху, ничего нового не придумывают, всё уже было в истории... Да и учительница у нас очень хорошая. Рассказывает так интересно, что не оторвёшься. Я вот думаю: она же всё это, может, по тридцатому разу рассказывает или по сороковому, а всё не надоело ей, с душой говорит. Любит она своё дело, умная женщина. Несколько книг уже написала по истории по своей, а всё с нами, со студентами возится. Очень я её уважаю. Тут как-то спросил её: «Вот вы всё про историю знаете. Скажите, а революция сейчас в России возможна?» А она и говорит: «У нас с вами такая страна, что в ней возможно всё». Ох, у меня аж от сердца отлегло, так порадовался! Ну, думаю, раз всё, то и революция возможна!

Первый канал, Россия–1, НТВ

Тут уж он нас, наконец, удивил. Пришлось поднимать бровь:

— А зачем вам революция?

— Как зачем? Этих, которые там, наверху, перестрелять всех до одного! Там же коррупция сплошная, на всех уровнях, начиная вот от уровня ста рублей и до миллиона, — со знанием дела рубанул он кулаком себе по колену. — Страна же разворована вся, а деньги за границей. Надо их всех в расход, деньги в страну вернуть, с коррупцией этой закончить. И, конечно, старикам, пенсионерам этим, деньги всем раздать, чтобы не торговали на улицах. А то позор же! Стоит бабушка, ландышами торгует. Я ей говорю: «Бабуль, ну как же так — ландышами, нехорошо». А она: «Сынок, да как же я жить тогда буду? Пенсии то даже на еду не хватает». Вот это — позор. Власть стариков на улицу торговать гонит. Нет, нужна революция.

Закат был уже совсем плох. Вернее, заката уже, почитай, и не было — сгущались сумерки. Вышла официантка, принесла бандитувечернику пиво. Разговор как-то запнулся. Да и нам давно уже надо было бежать по какимто своим важным интеллигентским делам. Был бы мобильник — может позвонили бы, перенесли встречу. А так... В общем, стали мы прощаться. Пожелали друг другу удачи.

Идём по Большой Грузинской вприпрыжку, гонимые холодком, обнимаемся, а сами думаем: «Ээ-э, а может зря мы так, на полуслове? Может, и правда — скоро революция? Обменялись бы телефонами впрок, глядишь, и пригодилось бы. Чувак-то, не иначе, в члены революционного трибунала метит».

Про Украину мы тогда ничего такого не знали ещё: осень была вполне ранняя.

В Москве давно уже снег. И вопрос, которым ещё по осени задавался бывалый первокурсник, теперь обсуждают не только в кафе, но и по радио: «Скоро ли революция?»

Утэ Вайнманн, Влад Тупикин

первая публикация: 31 декабря 2004 года, http://polit.ru

A BAS LES
NOTABLES
LOCAUX

долой местную элиту!

май 68 –
начало постоянной борьбы

MAI 68

DEBUT D'UNE
LUTTE
PROLONGÉE